

МАРТА

16+

Светлана Гресь

Светлана Гресь

Марта

«Автор»

2020

Гресь С.

Марта / С. Гресь — «Автор», 2020

Я знаю, нам тягостны страдания и не нужны нам слезы лишние, но, не отведав их солоноватый привкус, очищающий душу своею горечью, нельзя осмыслить счастья безмерного полет. Сильная, гордая, сказочно красивая, Марта извела все "прелести" судьбы - злодейки, и не согнулась под ее ударами, выстояла и обрела покой и умиротворение.

*Ты знаешь, что такое любовь?
Что такое настоящая любовь?
И я не знаю...*

Предисловие.

Галина Ивановна сквозь невысокие глухие сени прошла следом за девушкой в притемненную комнату. Их встретили потухшие, полные глубокой безысходности глаза немолодой женщины, что, утопая в высоких подушках, сидела неподвижная и словно застывшая, уткнувшись ногами в скатанное в комок одеяло.

Кровать интересная, вычурная, с блестящими шарами на никелированных спинках, смотрелась вызывающе нарядно. В детстве ей как-то случилось видеть нечто похожее. Будучи уже тогда натурой романтической и впечатлительной, она без особых усилий предположила: данное сверкающее чудо принадлежит самой королеве, что волею злого рока оказалась в этой махонькой комнатке.

Ее безмерное воображение живописало такие изощренные картины из прошлой и будущей жизни прекрасной сказочной незнакомки, не полагая, наивное, как заблуждалось!

Вскоре, совсем случайно, девочке пришлось испытать немалое разочарование. Она узнала, что в той квартире живет маленькая, сухонькая и очень даже неприветливая старушка с глазками буравчиками и с провалившимся ртом. Что и сказать, огорчение ее было невероятным!

Гостья осторожно осмотрелась. Комната небольшая, проходная, оклеенная дешевыми обоями, одновременно служила хозяевам и кухней, и столовой, и гостиной. Дальше, из-за растворенной двери с нескрываемым любопытством выглядывал явно антикварный шкаф, крепкий, дубовый, на века и две опрятные деревянные коечки, стоявшие друг против друга. Прямо у окна круглый стол под красной, бархатной, в мелкие цветочки скатертью и с аккуратной стопочкой книг на нем.

Здесь, у зашторенного наглухо окна, стол – побольше, прямоугольный, под потертой клеенкой. В комнате сумеречно и даже прохладно. Справа от входа самая настоящая русская печь. Налево – газовая плита, а к ней приткнулся рукомойник. Тут же еще один небольшой кухонный столик, вместивший в себя всю нехитрую посуду. У самой двери на старенькой тумбочке ведро с водой и кружка белая, эмалированная на щербатом блюдечке.

Даная шумно открыла шторы. Приятный, медовый свет залил небольшое помещение.

— Добрый вечер, – поздоровалась гостья.

— Может, кому и добрый, да не про нас, – послышался приглушенный ответ.

— Mam, познакомься, это госпожа Терехова из города. Представляешь, у Галины Ивановны там, на дороге машина сломалась, вот я и пригласила в гости, пока приедут к ней на помощь. – Девушка на мгновение запнулась, нахмурилась.

— Мы тоже когда-то в городе жили. В самом центре, в трехкомнатной квартире. Большая такая, с потолками огромными... А теперь вот здесь, – промолвила медленно, то ли с сожалением, то ли просто так, для разговора. Взмахнула решительно головой.

— Да, ну его! А это моя любимая мамочка, Раиса Петровна, – Даная поставила табурет у кровати, лихо смахнув с него пыль мягкой тряпкой неопределенного цвета, предложила присесть и стала хлопотать у плиты, готовя ужин. Неожиданная гостья пыталась помочь, но девушка кивнула на безучастную мать.

— Я справлюсь сама, не впервой. Вы лучше побеседуйте, а то здесь, в нашей глуши и пообщаться – то толком не с кем. Мама уже два месяца, не ходит. Врач сказал, что это депрес-

сия. Посоветовал больше разговаривать с ней, почаще отвлекать от назойливых, мрачных мыслей.

Хозяйка безучастно смотрела сквозь пришедших, не вникая в происходящее. Терехова почувствовала себя неловко. Получалось, что она набивается в разговор с человеком, который явно против общения вообще с кем – либо. Что же такое могло случиться с бедной женщиной?

— У мамы спина болит, ноги не ходят, – как бы угадав ее мысли, Даная чистила картошку, еще с начала лета. Представляете, ну, прямо, ни с того, ни с сего. Просто, подняла два ведра воды, когда поливала грядки и все. Вот, с того времени и лежит. Врач сюда не едет. Далеко ему и неудобно. А все эти современные гели и всякие прочие натирания не помогают.

Даная ловко и умело хозяйничала у стола. На плите булькала картошка. Вкусно пахло жареным салом. Свежие нарезанные овощи, смешанные с укропом, зеленым луком высились в миске аппетитной горкой посреди мелких тарелок.

Девушка выскочила во двор и вскоре вернулась с ведром, в котором пышной горкой пенилось только что надоенное молоко. Она хватко процедила его через марлю, сложенную в несколько слоев. Налила в небольшой кувшин, и поставила на стол. Остальное разлила в трехлитровые банки, вынесла в сени.

— Вот если хотите, отведайте парного молочка. Оно у нашей Буренки сладкое, вкусное. На рынке только и ждут, когда Генка приедет. Сколько – бы не привез, разбирают мигом. Мы его почти не пьем, приелось. Все больше на продажу. Масло из него делаем. А когда творог в печи топим, сметану не собираем. Он потом выходит жирный, густой, хоть ножом режь.

— А масло чем взбиваете?

— У соседей маслобойку берем. Она у них новая, электрическая. Минута дела и все готово. Генка взамен потом их товар продает. Молоко там, творог, сметану, а, иногда и овощи разные, ягоды.

Хотя бывает, и в банке болтаем. Особенно зимой, когда молока мало, корова в запуск идет. У нас здесь все свое. Так сказать, натуральное хозяйство. – Даная мельком взглянула на все еще безмолвную мать.

— У соседей наших тех, что справа от дороги, корова отелилась и привела двоих телят. Бычок родился нормальным, крепеньким, а телочка хилой, болезненной.

Хозяева решили, все равно сдохнет, чего с ней даром возиться. Бросили в углу хлева на произвол судьбы. Мне жалко стало крошку. Забрала к себе домой, укутала тряпками, согрела. Поила насильно с соски. Купала в теплой водичке. День и ночь возилась с ней, словно с маленьким ребенком, даже спала рядом, чутко прислушиваясь к каждому ее вздоху и, к удивлению всех, выходила.

Теперь – это наша кормилица. Ручная выросла, доверчивая. Ходит за мной следом, как собачонка. А доится как легко. Молоко само бежит, когда пора приходит.

Галина Ивановна слушала девушку и исподволь рассматривала фотографии, висевшие над кроватью по всей стене в больших и маленьких потемневших рамках. Даная и, видно, ее брат были почти на всех снимках. На некоторых рядом с мамой. Иногда с ними темноволосый, симпатичный мужчина. Он смотрел в объектив весело и непринужденно, обнажая в довольной улыбке ровный ряд ухоженных зубов.

Не удержалась и спросила. – Это ваш отец? – И потому, как вздрогнули ресницы у хозяйки, поняла, что задала вопрос, по меньшей мере бестактный. – Очень интересный и, видно, веселый мужчина, – добавила поспешно, смутившись невольно.

— Это мой муж. Он сейчас в городе, – вмешалась в разговор хозяйка. – В последнее время Сереже тяжело материально и физически, поэтому мы с ним почти не видимся. Очень много работы у него сейчас. Он декан физико-математического факультета. Вертится день и ночь, как белка в колесе. Преподаватели, студенты, экзамены, проверки.

Раиса Петровна потихоньку, вначале как бы про себя, но потом все увереннее, начала рассказывать о муже. Видно, тема была больной, выстраданной. Говорила негромко, как бы вспоминая о чем-то далеком, дорогом, утраченном и недоступном.

— Обещают скоро квартиру дать от города, и тогда снова будем жить все вместе, как раньше, – и жалостливо улыбнулась своим словам, видно, все еще отчаянно надеясь на будущее.

— Как я Вам уже говорила, у нас квартира была в городе, – вмешалась в разговор дочь. – Досталась маме от деда Ивана, а ему – от его родителей. Мебель такая чудная. Картин много. А посуда!!! Сплошной антиквариат.

После войны дед почти до самой старости областью нашей руководил. Баба Надя в школе математику и физику в старших классах вела. Перед пенсией завучем работала. Душевная, внимательная учительница была.

Как любили ее за доброту, отзывчивость, понимание! На каждый праздник всегда столько подарков получала и от признательных родителей, и от благодарных учеников, и настоящих, и бывших, кому она помогла в жизни обустроиться.

А таких, скажу вам, немало было. Бабушка, конечно, всегда противилась. Очень неудобно чувствовала себя в такой ситуации. Потом старалась эти подарки кому-нибудь передать, кто в них особо нуждался. Чего ей только не дарили; сервизы разные, хрусталь, даже бытовую технику случалось, приносили. А цветов сколько! На любой праздник по всей квартире стояли букеты целыми охапками. Бабушка и соседям раздавала, и знакомым, и продавщицам в магазине. В гости к нам часто приходили, кто за советом, кто за словом добрым. Хорошее время было, счастливое. – Даная призадумалась.

— Дед Иван всегда по жизни был принципиальным. А к старости и совсем невыносимым стал, резким, вспыльчивым. Не любил болтунов и врунов, за версту их чуял. Очень не нравилось ему, когда о власти плохо говорили. Из-за этого у него на улице часто случались перепалки, споры какие-то непонятные. Как-то пришел с магазина с авоськой с хлебом, сел у стола, склонив голову на руки, да и не встал.

Потом мы узнали, что повздорил с кем – то в очереди, что, якобы не пропустил его кто-то вперед себя, хотя дед Иван всю войну прошел, и награды всегда носил при себе, на груди. Говорил, сколько той жизни осталось, пусть смотрят люди, что жизнь свою недаром прожил.

И бабушка потом недолго прожила. От горя и тоски быстро за ним следом убралась. – Взглянула на мать, замолчала. Задумалась, уткнувшись грустным взглядом в потемневшее окно.

— Я вышла замуж, когда мне было неприлично много лет. Видно, это у нас семейное, – внезапно подхватила беседу хозяйка. – Как Вы уже знаете, мой отец был человеком довольно сложным. А на пенсию вышел, стал совсем несговорчивым, таким мнительным, подозрительным. Решительно никому не доверял.

По вечерам ходить одной запрещал, все боялся, кабы чего да вдруг со мной не случилось. Ему повсюду и везде мерещились сплошные хулиганы.

Дело в том, что родители мои поженились после войны, когда им было далеко за тридцать. Потом мама долго не могла забеременеть, поэтому, когда я родилась, то радости их не было предела. Как и всякого позднего ребенка меня так тщательно охраняли от всяких неприятностей.

Этой слепой любовью и заботой доводили до отчаяния. Особенно, когда я начала преподавать в школе физику и математику. Им все казалось, что по дороге на работу со мной обязательно должно случиться что-то ужасное. И, конечно, кроме книг у меня никаких развлечений не было, как и никого из друзей или знакомых. От нечего делать, стала собирать материалы для научной работы.

В библиотеке допоздна сидеть разрешалось. Считалось, что хулиганам среди книг скучно. Тем более там трудилась наша соседка тетя Шура, с которой мы потом вместе шли домой.

Тут кстати пришлось мамины знания и ее огромный учительский опыт. Она мне и тему подсказала и авторов посоветовала, нередко допоздна засиживаясь со мной над научными статьями, по крупицам собирая все, что могло пригодиться в защите будущей диссертации.

А Сережу я впервые увидела на городской олимпиаде по физике. Он тогда привез учеников из отдаленной сельской школы. Скромный, обходительный, молодой человек. Чувствовал себя неловко, неуверенно. И я как-то неожиданно для себя взяла его под свою опеку. Незаметно и полюбили друг друга.

К сожалению, когда пришло время знакомиться с моими родителями, получился такой неприличный скандал. Он решительно не понравился моему отцу, Ивану Захаровичу. Видишь ли, очень робкий, нерешительный. Отец считал, что моим мужем может быть только или настоящий мужчина, за которым можно жить – не тужить, как за каменной стеной, или лучше одной век коротать, чем за такого рохлю выходить.

Мы, конечно, с молчаливого согласия моей мамы, потом тихонько расписались. Отец, видно, догадался, но промолчал. Для него Сережа как бы и не существовал. Когда родилась Даная, это муж так назвал нашего первенца, так как сильно увлеклся греческой мифологией, мои родители очень обрадовались и с удовольствием возились с ней, меня полностью устранив от воспитания собственного ребенка.

Я поначалу сильно обижалась, но потом успокоилась, поняв, что нельзя лишать стариков единственного в их жизни утешения, нянчиться с внучкой. Решили с мужем готовиться к защите диссертации, а там гляди и должность хорошую можно получить.

Не секрет, что мужчине всегда легче пробиться в науку. Пригодилось все, над чем мы с мамой в свое время корпели. Сережа защитился с блеском. Тогда уже преподавал в нашей школе. Пробыл в ней совсем недолго. Как хорошему специалисту, ему предложили место в институте.

Отец мой, видно, обо всем догадывался, но молчал, решительно не желая видиться с зятем. Да и Сережа не стремился встречаться с моими родителями. Его вполне устраивала такая жизнь. Никаких забот, никаких тебе тревог. Живи и работай в свое удовольствие. Вскоре и Гена появился. Мой отец обрадовался, очень: все-таки мальчик, будущий мужчина, защитник. А потом и этот ужасный поход в магазин.

Кто-то шумно ввалился в сени, громяхая ведрами.

— Генка пришел, – обрадовалась Даная. – Он как идет, так все вокруг него валится с грохотом.

В дом почти ворвался подросток. Шумно поздоровался и сразу к столу, ухватив кусок хлеба. Тут же получил по руке.

— Не трогай! Мои руки, сейчас есть будем, а то, как всегда, нахватаешься, а потом будешь сидеть за столом зевать.

Паренек заскочил в следующую комнату. Жалобно скрипнули дверцы шкафа.

Даная уже поставила вареную картошку на стол. Рядом яичницу, пышущую жаром. Генка, вмиг переодевшись, с удовольствием рассматривал стол. – Если бы знали, как есть хочется, – потирал ладони. – Сейчас смог бы целого быка проглотить.

— Вот всегда так, прибежит голодный, а сядет за стол, быстро чего-нибудь перехватит и все. Вон, какой худющий, бледный будто в подвале его сутками держат.

— Растет, – отозвалась Раиса Ивановна, повеселевшая при виде сына, – весь в деда, такой же шумный, быстрый.

Галина Ивановна достала ключи от машины и попросила паренька принести из багажника корзинку. Через некоторое время на столе лежала нарезанная аккуратными кусочками

колбаса, буженина. Отдельно в коробке шоколадные конфеты, горкой в вазочке печенье. В центре красовалась небольшая бутылочка коньяка. Терехова открыла ее и налила в небольшие рюмочки себе и хозяйке янтарного напитка.

— За нашу встречу, за приятное знакомство!

Раиса Петровна поколебалась вначале, потом решительно махнула рукой, осторожно чокнулась, – а давайте и в самом деле, за нас, за наше знакомство.

На минуту воцарилась тишина. Только вилки царапали по тарелкам, да настенные часы неумолимо отстукивали секунды. Все занялись едой.

Постепенно лицо у хозяйки ожило, покраснелось. Глаза заблестели, на щеках появился румянец, и все увидели, какая она еще молодая и очень даже интересная женщина.

— Остались мы одни. Сережа, конечно, сразу перебрался к нам. Смешно, он долго призывал к собственным детям. К тому времени уже защитил докторскую...

— Как всегда с маминой помощью, – язвительно подчеркнула девушка.

Раиса Петровна с укором глянула на дочь.

— Ну и что с того, не чужой же человек. Тем более должность декана получил. Как мы мечтали об этом! Вот и дождались. Поначалу даже не верилось. – Усмехнулась горько.

— Только с квартирой неладно получилось. После смерти родителей совсем тяжело стало. Не хватало денег на самое необходимое. Пришлось даже дачу, что от отца осталась, продать. Хоть она была большая, двухэтажная, денег за нее взяли совсем ничего, да и те ушли, как вода в песок, незаметно, когда и куда.

А тут Сережа захотел подарок мне сделать. Он знал, что я, как и всякая нормальная женщина, всю жизнь о шубе мечтала. Вот и купил норковую, шикарную, правда, в долг. Приятель помог. Сказал вначале, когда сможешь, тогда и отдашь.

А после, оказалось, что это не его деньги, а каких-то бандитов. Те потребовали отдать долг немедленно. У нас, конечно, такой суммы не оказалось. Потом какие-то бешеные проценты насчитали.

Ужас пережили непередаваемый. До сих пор не верится, что обошлось, что живы и здоровы остались. Они, разбойники эти, угрожать стали. Детей обещали выкрасть. Потом Сережу побили, сильно, даже в больницу попал. Короче говоря, выставили нас с двумя чемоданами на улицу... и даже шубу забрали... Да, Бог с ней, с этой квартирой.

— Данка, чего молчишь, – не утерпел Гена. До этого он как-то подозрительно вертелся на стуле, всем своим видом выражая явное неудовольствие рассказу матери, – лучше ты скажи, а то я не умею тихо, по – дипломатически.

— Что случилось? – Подозрительно глянув на детей, забеспокоилась мать.

Даная тут же заерзала на табурете, замахав руками.

— Не обращай внимания, Генка, как всегда, придумывает.

— Я придумываю, – не на шутку оскорбился брат, – а сама, что говорила? Как его называла? Иудой! Да! Подлым предателем! – паренек покраснел, обиженно засопев, отвернулся в сторону.

— Так, – категорически приказала Раиса Петровна, – выкладывайте все, что от меня скрываете.

— Да ничего особенного, – заволновалась девушка, – ты только не сердись. Поверь, ей Богу, мы не хотели, так получилось. – Нагнула виновато голову, теребя край полотенца.

— Говори, говори, не томи душу, – просила заинтригованная мать.

— Помнишь, мы с Генкой в город ездили. Документы подавать в институт. Пришли в канцелярию, а там девушка, что папку у меня проверяла, ехидненько так говорит, – смотри здесь дочь нашего декана физмата. Фамилия такая же и отчество Сергеевна. – А вторая ей в ответ, – что ты выдумываешь, у него сын уже большой и малыш есть. Он у нас не гулена какой-нибудь, а интеллигентный, порядочный мужчина.

— Ага, – отвечает ей подруга, – у Лидии Петровны погуляешь. Она наверно ему пояс верности надевает, когда на работу провожает. А что, мужик он очень даже интересный! С таким на свидание пойти, одно удовольствие.

Кстати, ты не помнишь его адрес? Мне же конверт ему передать надо. Знаю, что улица Мира, а квартира, какая, убей, не помню.

Та в журнале каком-то полистала и говорит, – вот нашла, смотри, четвертая.

А у меня, как будто столбняк случился. Это же наша бывшая квартира. Мы с Генкой, как сговорились, а документы и бегом на улицу. С канцелярии что-то кричат нам вслед, а мы на автобусную остановку быстрее. А автобуса, как на грех, все нет и нет.

Пришли, как раз тогда, когда секретарша на лестничную площадку вышла. Провожал ее наш папаша с маленьким ребенком на руках. Она сбежала вниз, а мы подождали немного, собрались с духом и в дверь звонить стали. Отец, видно, решив, что девушка вернулась, открыл дверь, а здесь мы на пороге. Он стоял, недоуменно разглядывая нас.

Потом дитя закапризничало, и нам милостиво предложили пройти в квартиру. Пригласили на кухню. Мама, – девушка возбужденно облизнула пересохшие от волнения губы, – ты не поверишь, мы были у себя дома. – Она говорила звонко, бойко жестикулируя, все время подсакивая на табурете и поворачиваясь то к брату, то к Галине Ивановне, как бы обращаясь к ним за поддержкой. – Понимаете, ничего почти не изменилось, та же мебель, те же занавески, та же посуда. Даже чашки и ложки все наши.

На плите жарились котлеты, варился суп. И хозяйничал там наш папочка, если его можно после всего этого так называть. Ребенок, наверно, болел, потому что привередничал и не слезал с рук.

Тот успевал и с ним помянчиться и котлеты перевернуть. А тут еще дверь моей бывшей комнаты открылась, а музыка там гроыхает такая, что хоть уши затыкай, вышел мой ровесник и басом, в приказном порядке, – старик, где мой обед. – Папаня быстренько завертелся, – сейчас, сейчас, сынок. – Быстренько насыпал ему картошки гору, котлет сверху наложил. – Ты бы музыку потише сделал, Митенька болеет все же, – лебзит перед ним. Тот в ответ похамски так, – а это твои проблемы. – И скрылся за дверью, даже не взглянув на нас.

Мы с Генкой стоим голоднющие, в этот день капли во рту не имели. Денег едва на обратную дорогу хватало, а надо было еще лекарства матери купить. Есть хочется, сил нет терпеть. Особенно Генка, смотрит на котлеты, слюнки подбирает.

А отец наш, будто и не замечает. Носится по кухне, как угорелый. Не то, что раньше, когда с нами жил. Сроду суп себе не разогреет, чаю не сделает. Все мать перед ним прогибалась. – Сереженька, вот тебе водички холодненькой. Родненький, ты устал, отдохни, я тебя сейчас покормлю, полежи, вот тебе подушечка под ноги.

А чтобы со мной или с Генкой нянчился, или куда-то ходил с нами в кино или еще куда, мы и не упомним такого, – говорила обиженная девушка. – Все мать на себе: и в магазин, и приготовить, и убрать, и в школе к занятиям подготовиться.

А сколько конспектов ему писала, когда у него открытое занятие или проверка какая! Сидит ночами, днем же своя работа, да потом и не одна. А если кто болел, то нас прятали, чтобы не мешали отдыхать усталому папочке, не дай, Боже, не заразили бы его, а о он прямо такой незаменимый работник.

Только зарплаты его сроду никто не видел. Поверьте, – обратилась к Галине Ивановне девушка, – мы с мамой бутылки собираем все, какие у нас были на даче, банки всякие, макулатуру, а он как – будто не замечает. Мать всех соседей задержала: сегодня одолжите денег, потом отдаст, а через день, опять одолжите.

А за стол сядет, ему лучший кусок. Его же зарплата была лично для него. Одевался с иголки. Любил одеколоны французские, курил всегда сигареты дорогие.

Помню, утром собирается на работу, довольный, песенки разные мурлычет себе под нос. А только заикнешься, что на хлеб надо пару рублей, тут и начнется!

Хорошее настроение у него моментально пропадает. Он начинает рассказывать, что не умеем деньгами распоряжаться, что тратим их без счета, что мы так и ждем, как бы ему день испортить. И никогда не даст, ни копейки.

Мы потом и сами перестали просить. Поняли, что напрасно, разговору только пустого на три дня, хотя рубашки, носки и прочую дребедень мать покупала сама, так как, по его словам, хорошая жена должна заботиться о муже, а то зачем тогда и замуж выходить.

Помню случай, что врезался в память мою навсегда. Как-то мы с мамой ехали с городского рынка. Сумок – больше головы. Картошка, лук, огурцы. В двух руках, да еще чуть ли и не в зубах. Мамина подруга торговала на рынке и по сходной цене отоварила нас, да еще в долг. Так вот, подходим к остановке автобусной, а наш отец как раз из ресторана выходит. Он и еще две молодые особы, сотрудницы его, наверно. Они, видно, пообедали и в самом лучшем расположении духа, на работу возвращались.

Отец нес сумочку одной из них. Галантный мужчина, ничего не скажешь. Смеются дамы, он что-то веселое им рассказывает. Так и в автобус зашли, они впереди, а мы за ними. Мать ни за что не подошла бы к ним, но я не выдержала. Отец как увидел меня, скривился, будто лимон проглотил, где и настроение хорошее делось.

Пришлось ему знакомить нас со своими попутчицами. Потом на остановке он вышел первым, вежливо так помог своим подружкам, каждой руку предложил, со ступенек свел. А мы с мамой со всеми своими сумками еле вылезли с автобуса сами. Тут еще дождь как хлынет, а у нас, как на грех, нет зонта.

Наш папа, человек предусмотрительный, достал свой, который мы ему купили недавно, японский, модный; раскрыл над своими попутчицами, и, смеясь, они побежали в институт, остановка-то рядом была. А нам по дождю пришлось тащиться до своего дома. Промокли насквозь, до нитки. Вечером нас ждал такой разнос: что мы его позорим, что навьючились, как лошади, что никогда не берем с собой зонтик.

А у нас, честно признаться, и не было его. Бабушкин когда-то старенький был, да поломался, а на новый денег не насобирать. И что мать похожа на затасканную деревенскую бабу. Всякая уважающая себя женщина должна следить за собой, в парикмахерскую постоянно ходить, одеваться прилично. – Ты на руки свои посмотри, потресканные, как у занюханной свинарки. И чего в лохмотьях по городу шляется, позорит его.-

Как будто впервые увидел свою жену. Мама тогда сжалась вся и ничего в ответ, ни лова. Он даже не догадывался, что его жена со школы ушла. Учителям в то время платили мало. Она тогда уже работала на нескольких участках дворником и еще лестницу у нас в подъезде убирала. Мы с братом, конечно, как могли, помогали. Генка в тот день остался ждать мусоровозку.

— Ты дальше рассказывай, – недовольно пробурчал брат, – лирические отступления потом.

— А дальше телефон у него зазвонил. Тут уже наш папочка себя показал... Как он разговаривал... как он лебезил. Кто сказал, не поверила бы сроду. Как только не называл ее; и моя ты лапочка, и солнышко ты мое, и моя радость.

Ей, этой гусыне надутой, жене, видно, его нынешней, якобы прическу сделали неудачно, так она так горько жаловалась, предупреждала, что будет поздно, потому что с подругами зайдет в кафе, расслабиться ей, видишь, надо.

— Не спеши, дорогая, отдохни. – Нежно мурлыкал в телефон наш, если можно так сказать, папочка. Пока он облизывал телефон, мы ушли, молча, даже не попрощавшись.

— По-английски, – добавил Генка.

Минута гнетущего молчания. Глухо заговорила Раиса Ивановна, опустив взгляд на стол, нервно вертя чайную ложку в руках.

— Я долго ни о чем не догадывалась. А потом, помните, в мае к нам приезжали муж с женой. Оказывается дом, в котором мы сейчас живем, принадлежал их отцу. Они по старости забрали его к себе в город и, когда старик умер, решили продать избу.

В свое время, наш отец помог поступить в институт их дочери. Они и разрешили пожить его, якобы бездомной сестре с детьми, которую непорядочный муж бросил. Когда же девочка закончила вуз, они пришли к Сереже с предложением или покупайте, или освобождайте жилье. Он ответил, что своей судьбой сестра пусть распоряжается сама. У него своя семья и своих забот по горло. Вот они и приехали предупредить, что дом продается. Спасибо им, люди оказались сердечные. Да и соседи за нас попросили. Мы еще на год остались. Так что вот какие у нас развеселые дела. — Хозяйка горько улыбнулась, глаза затуманились, стали влажными.

Даная, встревоженная, подхватила, присела рядом, взяла мать за руку.

— Не бойтесь, плакать не собираюсь. Все слезы выплакала, от тебя с Генкой хоронясь. Вам не хотела рассказывать, да оказалось, шила в мешке не утаить. Может, так и лучше, что вы все узнали сами, меньше вопросов.

Раиса Ивановна глянула на детей виновато.

— Простите меня, родные мои, я неважная мать. Не смогла удержать отца вашего у себя, позволила сделать вас бомжами.

— Мам, ты же не виновата, что не дочь ректора. Недаром он портфель и кресло декана получил. А тут ему еще и квартира наша в придачу. Живи и радуйся, наслаждайся жизнью. Ни у кого никаких денег он не одалживал, — добавила решительно, отведя в сторону смущенный взгляд.

— Кто тебе сказал об этом?

— Клавдия Петровна. Это соседка наша бывшая. — Объяснила гостье, — Мам, да об этом все знают. Только ты ни о чем не догадывалась. И с рэкетом все игра была. Никто ничего у него не требовал. Шубу где-то в секунд-хенде взял, а может у жены своей будущей. Аферу с квартирой, наверно, продумали вместе.

— Знала, хотя и совсем недавно. Вот и слегла поэтому. И квартиру, назад нам уже не вернуть. Я же какие-то документы подписывала, отказалась от нее в чью-то пользу. Дарила или еще что-то уже и не припомню, все, как в бреду было.

Раиса Петровна облегченно вздохнула, как бы снимая с себя тяжелейшую непосильную ношу.

— Бог с ними, — Даная обняла мать за плечи, прижалась, погладила по руке, — мы с Генкой вырастем, новую купим. Еще больше и лучше, чем прежняя, и денег у нас будет больше, чем у них, — пригрозила в сумерки оконные. — Он будет бедный. Его те выгонят, он к нам придет, а мы не пустим. Пусть так же помыкается по свету белому. Иуда!

— Когда это будет. Гене учиться надо, а идти не в чем. Со старого вырос. Ботинки совсем малы. Да и школа далеко, в соседнем селе. Хорошо по трассе живем. Хоть какая-то машина подбросит. Ты дома, не захотела учиться.

— Ага, не хватало еще, чтобы я в институте каждый день видела его довольную физиономию. Нет уж, я лучше работать пойду. Нам деньги нужны.

— Где же ты работу здесь найдешь. В город ехать не хочешь, нас с Генкой оставить боишься. И я, как на грех, заболела. Хорошо, хоть соседи добрые. Семья пенсионеров живет рядом. Дети их далеко, приезжают нечасто, вот и живем вместе, помогаем друг другу, чем можем.

— У них телевизор новый, — девушка довольная тем, что высказалась, что сняла камень с души, залпом допила уже остывший чай, — правда программ мало показывает. А наш, древний поломался, починить некому. Вот мы с Генкой к ним по вечерам бегаем, фильмы смотреть.

Мам, у Галины Ивановны столько разных историй есть. И наш случай ей пригодится. Пусть все узнают, какие бывают отцы, как может в жизни все получиться. Правда!

Терехова молча кивнула головой. Поневоле прониклась сочувствием к обманутой семье. Еще и так в жизни выпадает. А она думала, что только у нее муж был неважным. Бывает и похлеще. Надо же так собственную семью ограбить. Оказывается, у нас клиника с порядочностью. Настоящих мужчин на всех не хватает. Да и где, они, хорошие-то!

Вздыхнула и решила про себя, что сделает все возможное, чтобы помочь своим новым знакомым. Вместе они обязательно что-то придумают, как выбраться из этой ситуации.

— Все-таки дед Иван оказался неправ. Ваш отец совсем не рохля и смог хорошо устроиться в этой жизни.

Давайте выпьем, Раиса Петровна, за наше будущее, за наше счастливое будущее, – решительно махнув рукой, налила себе и хозяйке коньяка и одним махом выпила. На запястье звонко брякнул колокольчик.

— Ой, что это у Вас! – Даная осторожно коснулась его пальчиком. – Я давно, еще там, на улице, заметила. А блестит как! Он золотой?

— Какая разница. – Терехова с удовольствием позвенела, – это мой, так сказать, талисман.

— А расскажите, как он Вам достался! – загорелась девушка.

— О, это целая история.

— Пожалуйста, расскажите, – заерзала девушка. – Мам, ты бы слышала, о чем рассказывала Галина Ивановна там, на бревнах. Я как будто в кино побывала, до чего интересно.

Хозяйка, уже окончательно успокоенная, заметно повеселевшая, с удовольствием выпила рюмочку, надкусила конфету, – а что и в самом деле, что все мы да мы, расскажите и Вы что-нибудь. Так хочется его-то чудесного, необыкновенного, приятного, в конце концов.

— Гена, – обратилась Терехова к подростку, – там, в машине, на заднем сидении папочка черная лежит. – Принеси, пожалуйста, если тебе не трудно.

Он шумно метнулся во двор, и уже через минуту Галина Ивановна перебирала листочки бумаги с текстом, распечатанным на принтере.

— Как там машина, стоит?

— А что ей сделается, – ответил весело паренек, с интересом заглядывая в бумажки. – Мам, я, наверно, пойду, наши играют сегодня. Мы с дедом Мишей договорились матч посмотреть.

— Это наш сосед. Они с Генкой помешались на футболе, – Даная быстро убирала со стола, освобождая место для папки. Оставила только конфеты и печенье.

— Иди, иди, – мать любовно глянула на сына. – Быстро растут дети. Уже и болельщик. Отец мой, когда-то тоже ни одного матча не пропустил.

Генка все также шумно выскочил в сени, и в комнате, воцарилась тишина. Приглушенно светила лампа настольная. Этот полумрак придавал особый уют, располагал к душевной беседе. Даная нетерпеливо поглядывала на гостью.

— Если вы так настаиваете, могу прочесть одну из историй. Верьте, не верьте, но все это случилось на самом деле. У меня тоже когда-то были непростые времена. Жили мы вдвоем с мамой далеко не в роскоши. Пришлось узнать истинную цену радости.

Но как-то в один момент все изменилось к лучшему. Устраивайтесь поудобнее, развеселю вечер наш в благодарность за такой вкусный и приятный ужин. Как говорится, за хлеб и за кров от нашего стола вашему столу.

Помолчала, как бы собираясь с духом, и начала читать негромко, с выражением.

II

Унылая пора.

День был пасмурным, тусклым. За бледным полднем долго вечер гаснет, такой же тоскующе – унылый. Закат ленивый, бледно-палевый. Вот уже последний, одинокий луч бросает свой прощальный свет на сонные облака и растворяется в зыбкой мгле блеклого небосклона.

Неба седую просинь завесили тяжелые облака. Совсем низко, медленно и плавно скользят они нестройными рядами, сливаясь с горизонтом бесплотными тенями. Сквозь рваные прорехи туч смотрит задумчивая луна на голую землю, что смущенно прикрыла белесыми туманами непристойную свою обнаженность.

Мгла рыхлая, зыбучая, обволакивает пустынное поле, скошенный луг; расстилаясь над тихой заводью озера, виснет там тяжелей и мрачней. В безмолвной тишине бесцветного вечера сползаются трясущиеся клубы тумана, будто зверь диковинный над темной водой переворачивается, пыхтит недовольно, ворчит беззлобно.

Поник, уснул тростник. Камыш в коричневых мохнатых шапках и реже, и суше. Беспокойный ветер в осоке мечется, протяжней и глуше его заунывная песня.

Уснуло беззаботно озеро: вода немая замерла и неподвижен темный водоем. Закрылись чаши лилий. Не дрожит над тихой заводью шустрая стрекоза. Улетели птицы стаей беспокойной. Над стынувшей водой не пронесется, не спрячется в камышах, не упадет в воду, легко нырнув, поднявши хвост, дикая утка. Не поплывет важно, искоса посматривая на берег.

Осень!..

Осень!!

Какая же ты грустная, осень!!!

Уныло глядит она пустыми, подслеповатыми глазами меж стволами вечнозеленых сосен, густых елей, колючей акации, тонкого орешника. Не высветит уже в солнечный, звенящий день багрово-рыжая, с легкой проседью паутин шалунья золото лип, багрянец осин, пурпур тополей, дубов кудрявых оранжевую сень. Не заманит загадочно в глубь сонного леса невесомой многоцветной нитью, что ненароком запуталась в гроздьях кровавых ягод.

Толпа белоствольных березок и, случайно затесавшаяся среди них дуплистая дикая груша скучают в ожидании перемен. Ольха дремлет в обнимку с кленом. Трепещут ветки тонкие, бесстыдно голые, пытаясь спрятать наготу свою.

Ропщет чуть слышно промозглый лес. Легко, как ночные мотыльки, падают на серый мох последние листья. В немой тишине тоскливо всхлипывающий ветер в припадке неизбежной грусти, ладонями невесомыми с жалобным стоном перебирает сухие, безжизненные листья.

Они кружатся, шуршат, неохотно следуют за ним, о чем-то перешептываясь между собой. И разговор их унылый, горький, безотрадный.

О чем шепчутся листья и ветер...

О чем шумит поредевший строгий лес...

Какую тяжкую думу думает...

Слов этих не услышит и не поймет никто...

Никто!!!

Никогда!!!

Осень!..

Поздняя осень!!!

Эта скучная, тоскливая пора...

На бледном небе застыл еще один закат. Потух медленно и грустно. В этом царстве безысходной печали движется дней цепочка равнодушно и почти незаметно.

Отчего горюешь, о чем тоскуешь, гостя бесприютная? О чем так сетуешь безумно? Голос твой глухой и жалобный твердит о непонятной муке. Тенью неприкаянной бродишь, стонешь обиженно, стараясь скинуть забвенья ужас сонный. Молишь время о пощаде.

Осень, душечка, отчего так напрасно маешься! От судьбы не уйти, не спрятаться. Просто закрой глаза, сделай шаг в ее неумолимые объятия.

И тогда, на склоне покорного дня исчезнешь в сумерках морозных. Косы твои, некогда золотые, поседеют и туманом расплывутся над застывшей речкой, бесследно растворятся в сугробах снежных, развеются в лесу среди веток обледенелых.

В белом саване серебристого инея отпоет тебя вьюга брюзгливая. Острым холодом пламени жгучего обожжет тело безответное и от хохочет, от скулит в лицо окоченевшее, безумно отплясывая на твоей тризне.

Увы! Не разменять счастливые мгновения на дни. Не вернуть обратно, что одним дыханием вечность унесла в необъятную разумом даль. Времени полет незримый, неслышный и непоколебимый.

Впереди у тебя неизбежный закат. Росы выпиты, радуги выплаканы. Улетели птицы. Безмолвен лес. Беззвучны небеса. На поле, на лес, на воду уже мороз бросает свои диковинные узоры. Белым рукавом машет седая чародейка. Твоя сестра. Твоя немилая подружка.

Под сонное завывание ветра северного сквозь сумеречный лес, среди трясины топкой, чуть видимой тропой идет – бредет зима в тревожный час дотлевающего дня, по-хозяйски придиричиво оглядывая свои будущие владения. На краю земли, в царстве вечных снов ты окажешься, успокоишься и забудешься.

Но промчится время неугомонное, и станешь вновь прежней, красавицей пурпурно-рыжей. И в урочный час, час положенный, в карете пышной, золотой вернешься обратно деловая, пригожая, насквозь пронизанная хмельною радостью. И снова сойдешь туманами зыбкими, прольешься дождиком грибным. Отправляя стаи птиц в теплые края, помашешь вслед последнему клину журавлиному.

Свободно и безумно будут гореть твои багряные восходы, пунцовые закаты. Палитру волшебных оттенков одним загадочным движением выплеснешь из своего лукошка заветного на луга, поля, рощи, вязкие болота. Зажжешь желанием неутомимым прозрачный, яркий день, такой праздничный от фейерверка красок, такой сияющий, звеняще-голубой. Подставишь уста свои рубиновые, калиной-ягодой горчащие, с еле уловимым привкусом поздних цветов, трепетному поцелую ветра смирного. И, опьяненная бархатной лаской утомленного солнца, облаком невесомым, сумраком легким приляжешь в немой тиши под сенью разукрашенного тобой леса отдохнуть от трудов праведных.

Осень!.. чудны и прекрасны твои деяния!

Ранняя осень – роскошная пора!

Светлая грусть, счастье заветное...

Осень жизни – она всегда внезапна. Виновница хандры моей теперешней. Хотя еще не та поздняя с ее невыразимой тоской и грустью, холодным бесприютным одиночеством. Правда, волосы уже изрядно поредели, и сединой, что инеем, припудрило прическу.

Мелкой сетью морщины коварно улеглись вокруг глаз. Здоровье иногда пошаливает. Увы, здесь уже ничего не сделаешь, ничего не вернешь.

Кипит поток времени, мчится скачущей волной. Катит с прытью безжалостной события дней прошлых и нынешних, всю жизнь мою. Годы на годы стремительно набегают и тают неосвязаемо, неслышно. Лета и зимы, осени и весны, дни и ночи – все поглотила неотступная, неумолимая вечность, унесла с собою в бездонную, пугающую пропасть.

Часто, особенно по ночам, прошедших дней воспоминания покоя сердцу не дают. Сквозь время они покрываются приятной дымкой милого очарования.

Сегодня случайно пришлось заехать в родительский дом. Здесь когда-то прошло забавное, хотя и не очень сытное, детство, пролетели шальные годы юности моей нескучной.

Сажу на лавочке, зябко кутаясь в теплую шаль. Гляжу в глаза холодные осенней ночи, смотрю в небо, уже тщательно упакованное густыми облаками, слушаю сонное бормотание

ветра неугомонного, и вот они, воспоминания, воскресли живо, ярко. Сегодня еще не было дождя, как тогда, сколько лет тому назад?

В такой же осенний, слякотный, промозглый день, как будто совсем недавно, осталась дома одна. Мать уехала на свадьбу к родственникам в соседнее село. Хозяйство, хоть и небольшое, оставить не на кого. Так впервые в жизни пришлось ночевать самой.

Пока всех накормила, напоила, закрыла, ночь поспешно зловещей, черной птицею легла на землю, крылья свои хмурые распутив над полем, лесом. С боязливым трепетом оглянулась вокруг. Недалеко, в густых зарослях нашли приют себе диковинные тени. Они нахохлились по темным оврагам и серым угрожающим зверем медленно поползли из укрытий, из убежищ, из всех потайных щелей.

Какие-то лохматые чудовища за деревьями прячутся. Косматыми лапами цепко держатся за ветки, глядят из лесу мрачно, пугающе.

Старый дуб, очнувшись вдруг, закачался, заворчал сердито, заскрипел протяжным стоном, сбрасывая на землю последний, запоздавший лист. Среди жуткой тишины кто-то в лесу то засмеется, то заплачет, то застонет.

Быстро заскочила в дом. Закрылась тщательно и на кровать. Залезла с ногами, обняла колени, прижалась к стенке, стуча зубами от холода и страха, с ужасом глядя в окно.

Там чьи-то огромные глаза смотрели зловеще, неотрывно. Взгляд угрюмый, неотступный. Свет боялась зажигать. А вдруг этот злой и жуткий, что сейчас в окно смотрит, догадается, что одна и захочет проникнуть в дом.

Ветер простуженный, ненастьем обиженный, щенком голодным жалобно стонет, посиротски скулит за окном, униженно просит приюта. Требовательно застучали по стеклу неугомонные капли. Начался колючий, проливной дождь. Унылый, бесконечный.

Тряслась мелкой противной дрожью от стужи, от страха неумеренного, боясь даже глазом моргнуть.

Вдруг послышалось тихое мяуканье. Кто-то неизвестный осторожно, но настойчиво, царапал лапой мокрое стекло. Собравшись с духом, подошла тихонько на цыпочках к окну и увидела черную тень. Обрадовалась, узнав Дружка. Открыла форточку.

Грациозно изогнув спину, бесшумно прыгнул вначале на подоконник, потом на пол черный, с белоснежной отметиной на груди, большой кот. Лениво потерся о мои ноги и мягко прыгнул на кровать, привычно ныряя под одеяло. Я быстро забралась к нему. Он, тихонько мурлыча, устраивался поудобнее, прижимаясь ко мне своей теплой, шелковистой шубкой.

Моментально все страхи и видения исчезли. Появился совсем неожиданно спаситель. Его вкрадчивое, уютное мурлыканье успокаивало душу, согревало тело. Сердечко девичье угомонилось, перестало испуганно вздрагивать при каждом мимолетном шорохе, искать чудище в комнате.

Кот этот как-то прибился к нам, жил одно время. Кормила его, чем могла. Молоком поила, сметаной, украдкой, угощала. Мать, конечно, была решительно против. Говорила, что самим есть нечего, еще котов бездомных приваживать.

Я же очень привязалась к Дружку, как его назвала. Он ходил везде за мной по пятам. Если что-то делала по хозяйству – неизменно находился рядом. Такая преданность очень трогала меня. Я в нем души не чаяла.

У кота была блестящая черная шерстка. На груди белое пятно. И глаза большие, круглые, желтые и понимающие. Часто по ночам, скрываясь от матери, прижималась к нему и шепотом рассказывала о своих неприятностях. Он выслушивал, тихонько урча, прикрыв глаза. Я искренне верила, что он понимает, о чем ему говорю. Потом эти неприятности самым удивительным образом исчезали сами по себе.

Однажды мать принесла колбасы докторской немного. Она была такая аппетитная, розовая, сочная. Мама не удержалась и купила на последние деньги, хотела побаловать дочь. Дру-

жок с таким вождением смотрел на этот лакомый кусок, что я не выдержала и отдала ему. Мать, как увидела, что кот доедает колбасу, которую она даже себе не позволила попробовать, так рассердилась...

Полотенцем по спине мне хорошо тогда досталось, и кота с яростью было выгнано на улицу. Куда ушел, где делся. С того времени, так и не появлялся.

Как за ним скучала! И вот вернулся. И как раз сегодня, когда так нуждалась в теплой дружеской поддержке. Хоть одна живая душа рядом, готовая разделить с тобой все страхи и переживания тревожной, холодной ночи.

И все сразу оказалось не так страшно. Чутьочку светлее стало в комнате, теплее даже. За окном все та же плачущая, страдающая неустрашенностью, ночь.

Но вместо чьих-то ужасных глаз оказался обыкновенный мокрый лист, прилипший к стеклу. И ветер запел ласково колыбельную, не пугал больше своим стоном. Монотонный и глухой стук капель о крышу уже заглушал звуки ночные, пугающие. Стал действовать усыпляюще. Обняла Дружка за мягкую шею, прижалась к нему, и закрылись поневоле глаза. Постепенно согрелась и поплыла в приятной дреме. Не заметила, как уснула.

Гляжу, и вижу себя в кинотеатре будто. Передо мной экран большой, волшебный и кто-то добрый, неизвестный показывает кино.

На коленях Дружок лежит, мурлычет ласково. Глажу его по шерстке мягкой и с удовольствием смотрю фильм необычный.

А на экране лето знойное в разгаре...

III

Сладкий грех.

Облака в бездонной синеве разлетелись белыми барашками. Плывут неспешно, торжественно, сливаясь в зыбкой дали с краем небес. Светило высокое, жадное немилосердно жжет землю. Медленный, жгучий воздух одуряюще пахнет мятой, вербеной, ромашкой и солнцем. Легкий ветерок лениво копошится в свежескошенной траве. Упившись горькой полынью, резво спускается к реке, где в водовороте у крутого берега клокочет темная вода. Припадая истомленным поцелуем, жадно ловит скользкими губами беглую струю кипящего потока, волны которого затем выносятся на середину, успокаиваются в плавном течении. Величественно и безмятежно катится река серебристой, извилистой лентой по широкому зеленому долу, становясь все уже и уже, и, наконец, острой линией упирается в небосклон. Долина пологим размашистым уклоном сбегает вниз и тоже простирается к горизонту, сливаясь с ним в одну колеблющуюся черту. Слышен кузнечиков неугомонный звон. Резкий и трескучий. Снотворный и сухой. Здесь на пригорке, под липою густою, свежо и прохладно. Бушует лето буйством красок, избытком праздника. Жизнь – неиссякаемая радость.

— Я думала, ты сегодня не придешь. – Елка, щурясь от солнца, теребила пальцами платок, – вчера так быстро ушла.

— Не хотела, чтобы батюшка мой заметил, что вернулась поздно. Он хоть и стар, но приметлив. Потом торопилась тесто поставить, хотелось сегодня угостить тебя пирожками. Попробуй. Тебе понравится.

— Пока не хочется, – лениво потянулась девушка, – попозже, ладно.

Может, Май подойдет. Вот и угостишь его.

— А кем он тебе доводится, – отведя глаза в сторону, краснея, спросила Хима, – брат или...

— И не брат и не или... перебила, смеясь, сбивчивую речь товарки, – хотя мне, как родной. Сколько себя помню, всегда рядом был. Он веселый. С ним не соскучишься.

— Так вы что, все в лесу живете, – непонятно отчего обрадовалась Хима такому ответу и бросила косой взгляд на деревья, что бесцеремонно подбирались почти к самой реке. Лес всегда пугал девушку своей непостижимой таинственностью. Мало кто мог прятаться в его густых, мрачных зарослях. То ли поле. Вышел и все вокруг видно, – и много вас? Где же избы ваши? В деревне говорят, что в лесу только нечистые живут.

— Ну, это с какой стороны глядеть. Придет время, покажу. Нас там немало. Зря на глаза не показываемся. Чужих к себе не допускаем.

Елка прикрыла глаза ладонью, с интересом глядя на согбенную старушку, так нелепо одетую в этот знойный полдень, и не понятно, откуда возникшую. Она брела, не замечая ничего и никого вокруг, усталым, скользким шагом, неотступно глядя себе под ноги. По всему видать, издалёка идет и давно. Девушки вскочили, удивленные. Путница, проходя мимо, даже головы не подняла.

— Бабушка, – негромко позвала сердобольная Хима. – Вам дурно?

Та встрепенулась, недоуменно разглядывая по сторонам, заметила Елку.

— Здравствуйте, – сконфуженная девушка сказала первое, что пришло ей в голову.

Странница медленно провела рукою по лицу. Затем, как бы очнувшись, утомленно махнула головой.

— Присядьте, отдохните. Поди, вам еще долго идти, – засуетилась Хима. – У нас тут и пирожки есть, теплые еще. Вот, берите, угощайтесь, – участливо глядя на изможденную бабку, протянула угощение. – Вы с чем больше любите, с ягодами, с капустой?

Незнакомка посмотрела на девушек своими пустыми, немигающими глазами из-под низко надвинутой накидки. Потом тяжело опираясь на свой корявый посох, все же присела на траву. Протянула ноги, обутые в нечто такое же странное, как и сама. Глянула еще раз вниз на долину, осторожно положила посох рядом. Накидку не скинула, а, как бы озябнув, еще больше укуталась в истлевшее от долгого пути одеяние.

— Вам холодно, – спросила услужливо Хима.

Она с явным интересом рассматривала необычную гостью. Видно, побирушка какая-то. Правда, здесь они бывают очень редко.

— Не бойтесь, милостыню не прошу. – Как бы угадав ее мысли, бабушка виновато вздохнула. – Передохну и дальше пойду.

Голос был какой-то странный, отрешенный.

Кроме посоха, при ней ничего не было. Даже узелка какого-нибудь, такого привычного для странниц.

— Давно я уже никого не видела. Не доводилось как-то, – медленно выговаривая слова, старушка сложила руки на коленях.

— А вы откуда идете? – Елка с нескрываемым любопытством пристально разглядывала путницу. Уж очень необычной была. Та же взглядом усталым скользнула из-под накидки на девушку, беспомощно скривившись от яркого солнца. На мгновение показалось морщинистое, безжизненное лицо. Оно было темным, почти черным то ли от времени, то ли от пыли пройденных дорог. И погрузилась в свои размышления, не обращая внимания на собеседниц. Чем-то она влекла к себе. Что-то неуловимо знакомое скользило в ее говоре, неторопливых движениях. Какая-то будоражащая тайна пряталась в пыльных складках ее побитой временем одежды.

— Бабушка, что привело вас в наши края? – Хима осторожно присела рядом. Елка прислонилась к липе, не решаясь сесть. Старушка молчала, наслаждаясь отдыхом. Казалось, она задремала.

Подружки многозначительно переглянулись.

— Жарко сегодня, – Хима рассеянно откусила пирожок, который все еще держала в руке. Из него в лицо прыснула черная сладкая каша, густо забрызгав щеки и нос, тонкой струй-

кой запачкав по локоть руку. Она подхватила, дико скривившись. Елка прыснула со смеху, и стала помогать вытирать сок черники. Девушки, хохоча, сбежали к реке. Стали брызгать друга на друга водой. Смех громкий, залихватский разнесся вокруг, эхом поднимаясь по обрывистому берегу к страннице. Та, нелепая и неподвижная, молча наблюдала за девичьим весельем. Лишь горькая улыбка блуждающей тенью скользила по высохшим, синим губам. Вдоволь наплескавшись, в сырой одежде, поднялись к своей неожиданной гостье. Присели рядом, все еще возбужденные, смеющиеся, выкручивая мокрые подошвы, подставляя солнцу распущенные волосы.

— Как легко радость на горе выменять... — путница медленно коснулась цветка, что словно капелька синяя упорно тянулся к небу. — Не растопить уже потом беды у огня. — Помолчала, — жизнь, она какая. Тихо пойдешь, от беды не уйдешь, скоро пойдешь — беду нагонишь. Никак не угадать, никак не приспособиться.

Снова умолкла, как бы стараясь что-то припомнить. Подружки угомонились, предчувствуя, что сейчас, возможно, узнают тот секрет, что скрывает необычная странница. Притихли, будто два любопытных воробышка, затаив дыхание.

— Жила-была одна. Может, счастья не знала, но и горя не ведала. Жила ровно, спокойно. С малых лет была помощницей отцу-матери. И по хозяйству успевала управляться и за братьями меньшими присматривала. Подошло время, замуж собралась за хорошего парня. Правда, не нравилась свекрови будущей, но сын настойчив был, и мать уступила его выбору. Сговорились, что прежде он в городе денег заработает, а тогда уже и свадьбу сыграют. Молодая была. Беспечная. Думала, что жизнь долгая. Год не вечность. Пролетит, не заметишь. Промчался. В хлопотах да заботах оглянуться не успела, а уже снова лето.

Ждет-по-ждет девица, не возвращается друг любезный. Уже и не один год пролетел. Она все ждет суженого. Сватались поначалу многие, но упорно отказывала всем. Немало хороших женихов было, но милого среди них не было. Как надеялась на встречу долгожданную...

Все одногодки уже давно замужем. У каждой ребятки подрастают. Лишь она одна ходит без половинки своей, мужа верного. Все парами, а ее судьба загулялась, загостилась в городе. Лета проходят, а суженый не возвращается. Забыл деву друг любезный. Бесталанная судьба ее. Сохнет в одиночестве. Отец-мать куском хлеба попрекают. По закоулкам шепчутся недобрые люди. Чахнет девичья жизнь. Угасает надежда на счастье, так и не расцветшее. Годы даром проходят молодые. Что из того, что все еще теплится надежда в сердце девичьем? Ходит по полю, кличет, ищет долюшку свою запропащую, загулявшую. Где ходишь, где бродишь, суженый, ряженный, судьбою предсказанный?

К родне его пойдет, молчат, глаза только прячут, да вздыхают тяжело. Ни весточки от сокола ясного, ни ответа, ни привету. Ни слуху, ни духу.

Тревогою сердце билось недаром. С недоброю вестью явилась недобрая птица. Прилетела кукушка, села на колочек, кукует. — Горе-горе тебе, кинутая. Позабытая доля твоя. Лиха беда приползла змеей подколодной из города далекого. Забыл тебя твой ненаглядный. Давно женился. Живет припеваючи, ни о чем не страдаючи. Скрывали от тебя весть нехорошую.

В поле чистое вышла, заплакала над судьбой своей горемычной. Кто же боль подарил ей такую и зачем теперь эта пустая жизнь? Эх, долюшка моя, доля брошенная: что полынь трава горькая, что осинка в поле тонкая.

Братья переженились. Дети у них пошли один за другим. Тесной изба стала. Работы столько, что чихнуть некогда, дух перевести не успевала. И в огороде, и в поле. И пряла, и ткала, всю многочисленную родню одевала. А все нехорошо. Все неладно. Все негодная была. Невестки особенно старались. Лихие были, что собаки голодные. Самого зла злее. Все шипели, что шитье мое через нитку проклято: от холода не греет, от дождя не спасает. С хлебом ела, с водой глотала слезы свои, свою тоску, свое унылое одиночество.

Жила, как та травиночка в поле. Буйный ветер треплет, дождь холодный мочит, солнце немилосердное выпекает, злые ноги топчут. Развить горе-беду, обиду свою не с кем было.

— А как же братья, отец с матерью, – не утерпела сердобольная Хима.

— Отец и мать ушли в мир иной. А братья что, ежели жена плачет – река течет, а сестра плачет – роса падает. Солнце взойдет, росу высушит. Излишней стала.

Столковались невестки, как меня из отчего дома выжить.

По соседству с нами вдовец один жил. Мужик в годах уже приличных был. Такой плюгавенький да миршавенький смотреть противно. Ручки-ножки тоненькие, бровки жиденькие. Нос кулачком торчит. Голова, что яичко, голая. Может, у него и кудри когда-то вились, да, видно, от времени свалились. Бедненько жил. Горе-злосчастие свое с утра до вечера мыкал. Едва с хлеба на картошку перебивался, а чаще и того не было. Сговорились между собой невестки, а давай отдадим замуж за него. Пришли как-то днем бойкие свахи в гости к соседу. Глядят, спит на печи мужичок, только пятки потресканные сквозь дряхлые лапти видны. Шапка, скомканная в ногах, валяется. Ленивые мухи по нему ползают. А он спит себе среди бела дня. Густой храп по избе разливается. В ней же пусто везде, хоть шаром покати. Посередине стол опрокинут лежит. В задымленной печке шустрые злыдни с куриного молока да с петушиных яиц блины пекут. Оглянулись кругом: на гумне ни снопа, в закромах ни зерна. В огороде чертополох да репей растут, в поле сиротой хлеб не скошен стоит. Ветер точит зерно. Птицы пашню клюют. И чужие свиньи роют землю у порога погнувшейся, что старуха, избы. Под слепыми окошками голь с нуждой песни орут. Мужичок же на печи без просыпу лежит. Разбудили молодки деда. Стащили за ноги, и давай на сонную голову хозяйство его нахваливать. На стол брагу поставили, да закуски не принесли. Наливают одну за другой, не дают опомниться.

— У вас, соседка, пригляду нету, живете широко, половину добра теряете, пропадает даром. Вам бы жену умелую да расторопную.

А он топчется, что тетерев на току, не поймет спросонок, в чем дело. Не знает, что ответить. Затылок пустой чешет. Борода взлохматилась. Сорочка на дыре дыра, штаны в заплатках неряшливых. А свахи стараются, нахваливают, дескать, какой он богатый да хозяйственный, что полон двор добра всякого. А у него и скотины рогатой на подворье всего-то вилы да грабли, да и те потрескались, да поржавели. А хорошей одежды, мешок истлевший, да рядом в дырках.

Так без меня меня и сговорили. Так и вышла замуж на скорую руку да на долгую муку.

Старушка подобрала сухой комок земли. Он сквозь пальцы высыпался мелкими песчинками.

— Разве можно из песка свить веревку? А седую бороду разве сплетишь с черною косой? Поначалу мое замужество было орано безысходной тоской, засеяно слезами горючими. Но что слезы девичьи? Вода. Их быстро дождик смыл. Ветер высушил. А жить – то дальше надо. По деревне доброхоты успокаивали: мужичок твой, хоть и с кулачок, зато за мужниной головой теперь не будешь сиротой. Я тоже надеялась, что стерпится, слюбится. Зря думала, гадала. Я возле него и так и этак, а он смотрит на меня, как баран на туман, только глазами своими бесцветными хлопает и затылок по привычке чешет. И все молчком. Не взглянул ни разу ласково, словом добрым ни разу не согрел сердце женское. Поняла я, что жизнь семейная не удалась и что как была одна, так и осталась. Только теперь уже вдвоем одиночество мыкаем. Стала мужняя жена от чужих глаз, да беспросветная работница. Да мне что, не привыкать. Была бы шея, а хомут всегда найдется.

Мало-помалу, стала налаживаться моя жизнь. Приходилось, правда, за полночь ложиться, с зорюшкой вставать. А работу искать не надо. Она сама тебя найдет, была бы охота да здоровье. Молода была, крепкая. И в доме, и в поле с утра до вечера, да все с песнями, да все с радостью. Как – никак, а сама себе хозяйкой стала. Муж, как дитя малое, успевай вовремя накормить, да переодеть в чистое. И то хорошо, что не мешает. Появилась лошадка кой-какая, теленок на привязи пасется, в загоне поросенок хрюкает. Куры по двору гребутся, цыплят водят. Петух

хозяином зорьку будить начал. Рубашка на мне да на муже хоть и одна, но уже не плохонькая, а беленькая. Есть уже что есть и пить и в чем ходить.

Как-то надумал мой хозяин в лес пройтись. Идет, а навстречу ему дед. Весь седой, как лунь, а глаза молодые, цепкие.

— Здравствуй, мужичок.

— Здравствуй, коль не шутишь.

— Куда путь держишь.

— Иду, может, кто денег даст, – прижмурился хитро муженек и глядит прямо в глаза незнакомцу, не отводит взгляда.

— А, может, я дам, коль сговоримся. У тебя жена пригожая, расторопная. Я приду к тебе, ты мне ее на свидание выведи.

– Куда тебе дряхлому. Не потянешь, рассыплешься, – съехидничал мой благоверный.

– А ты не гляди на внешность, она порою обманчива, – и

показывает ему горсть серебра. Как увидел старик деньги, разгорелись глаза ненасытные.

Руки алчные затряслись, потянулись к добру даровому.

— Ладно, приходи, выведу.

За монеты и домой. Пришел, считает – не насчитается. Играет – не наиграется. Они сверкают, переливаются, тешат взгляд жадный. Выспрашиваю осторожно, где взял. Он, недолго думая, признался, что обменял на деньги мою встречу со старцем чудным. Опечалилась сильно, поняла, что ненасытный муж решил честью жены торговать.

Я-то думала, что все в жизни налаживаться стало. Да, видно, не случилось, как гадалось. Ох, вы, раздайтесь, расступитесь думы мрачные! Не точите душу, не томите сердце печалью горькой! Что же делать? Как же теперь быть?..

То от мужа слова за целый день не дождешься, а то бурчит с утра до вечера, что не убудет меня, если на свидание разок схожу. А меня от одной мысли, что на такое решиться надо, в дрожь бросает. Это стыд же какой! Это какой же грех на душу взять! И ради чего. По мне так уж лучше умереть. Лютует старый, с добром, вишь, расставаться неохота.

А потом и поняла, что никто не поможет, что сама должна выпутываться из этой напасти.

Когда это под окнами ночью.

— Здоров был, один.

А старик уже давно храпит за печкой. Он, как дите малое, наигрался серебром и уснул, спрятав монеты под подушкой.

— Один, сам себе господин, – не оробев, я тут же отвечаю, – вдвоем хорошо говорить, втроем молотить, четверо колес, будет воз. А пятого колеса нам не надо. – Взяла и выбросила ему курицу на улицу, – со свиданьем вас, мил человек.

— Ладно, – хмуро молвил кто-то в окошко, – обманула меня на сей раз, но знай, не отступлю, не отстану: все равно моей будешь. – И только зашумело, застонало по улице с силой невидимой. Я вздохнула облегченно и уснула спокойно.

Незнакомка притихла на мгновение, словно собираясь с мыслями.

– А на другой день только-только ночь побледнела. Земля еще нежилась в объятиях тумана, последние сны досматривала, как я уже вставала. Косу свою длинную чесала, и ушла, прихватив с собой узелок с водой и едой, в поле косить. Травы в тот год стояли туча тучей. Высокие, густые.

И замолчала старушка, упрямо поджав губы, а речь не прерывается. Рассказ идет сам по себе. Чудеса, да и только.

– Вот и зорька алая край неба зажгла. Поднялось и заиграло солнце красное. Пьет не напьется, собирая жемчуг росистый. Ложится муравушка под косою звонкою рядами ровными. Жаворонок веселой песней утро встречает. Кукушки нежный плач в зарослях леса слышится: звучит мольбой тревожной и неприкаянной. Вьется летучий рой мошек. Шмели, жужжа, кру-

жатыся, хлопчут над своими гнездами. И млеет уже травами, скошенными полдень, дышит зноем раскаленным. Что так будоражит и веселит ее. Рада – радешенька и дню хорошему, и покосу ровному. Косынка на плечи упала, коса расплелась. Жарко. Душно. Румянцем щеки налились. И сердце трепещет непонятно от чего, будто чувствует, что недоброе. Жажда накатила. Она за кувшин, а там ни капельки. Не углядела, как выпила все. Только ягод лесных горсть. Когда шла утром, по дороге набрала. Жаркой земляники сок губами пьет и замечает, что смотрит кто-то из кустов неотступно, завораживающе. Взгляд сквозь листья пробивается, сверлит, будоражит. Что-то млостно стало ей, не по себе. Видно, перегрелась на солнце. Надо собираться. От греха подальше.

Только что не шелохнется лист, не всколыхнется трава, а тут вдруг на тебе, разгулялся, озорник. Дохнул в лицо прохладой свежей, и сразу вырос кто-то: серый-серый, зыбкий, шаткий. Волосы копною, борода торчком, и глаза без взгляда. Ветерок поднялся. Он по ветру гнется, кланяется в пояс, за локоть берет своими цепкими ладонями и в лес ведет. Молодуха вырывается. Даром, что старик, силы явно не равны.

За деревьями встречает пригожий молодец ее. За руки белые берет, к груди могучей прижимает. И близко-близко глаза его у глаз испуганных. Брови соболиные. Кудри по плечам. Ласковые губы в приветливой улыбке. Стоит пред ним несмелая, боясь смущенные глаза поднять и руки пробует отнять. И чувствует, как жжет его горящий взгляд, зовет с собой, тянет в омут грешный любви запретной.

Незнакомец упорно ловит взгляд робкий, весь дрожит и шепчет жарко, – не прячь глаза в тени ресниц. Не упираться. Усилия твои напрасны. Не разорвать тебе сплетенья моих рук. Пойми, чем крепче пылкие объятия, тем слаще.

Прошу, меня не бойся. Не утомлю тебя любовью страстной, всего лишь согрею нежной лаской плоть твою.

Она молчит и чувствует, что пропадает. Качнулось небо, голова вдруг закружилась. Но, все еще пытаюсь вырваться из цепких рук, ладонями упирается в могучую грудь молодца.

— Нежность моя бьется о камешек, что в сердце упрямом так надежно хранишь. Пытается искру высечь. Разве не сможет? – обдал дыханием горячим. – Ты холодна, но знаю, тлеет огонь внутри. Дыханием ладонь усталую согрею. Слегка коснусь щеки скользящими губами. Прижму к себе покрепче, и задрожат губы покорные, еще не зная, как будет сладок первый поцелуй.

Как ты бледна в предчувствии блаженства, и отвести не можешь глаз тревожных! Припаду к устам, что сохранили лакомой ягоды нектар, выпью сок, что их раскрасил, и... разгорится пламя в твоей груди. Вольно иль неволью упадешь в мои нескромные объятия. Узнаешь ты, как сладостны они, когда найдешь любовь. Услышишь, как замрут, дрожа согласно, наши сердца...

— Не надо, это страшный грех, – пытается пробиться голос женского рассудка.

— О, милая, разве ты знаешь, какой же сладкий этот грех? На руки жадные возьму я твое трепетное тело, прильну губами к губам послушным, и упадем в тенистую прохладу трав. И небо с нами упадет, и скроется туманом наша любовь от глаз недобрых. Безропотную твою робость я растоплю в безмерной нежности. Выпью до края стыдливую твою любовь, твои несмелые желанья.

От слов таких так хорошо и радостно, что сердце защемило, а кровь расплавленным вином по жилам разлилась. Как сладок был этот пожар, что покорила бы.

Но тут кукушка, как закричит прямо над ними своим *ку-ку*. Молодушка тотчас очнулась. Где только силы взялись! Вырвалась и, ну, бежать. Пришла в избу вся не своя. Не мило все ей и тошно так, что выла бы, да не посмеет. Дед дуется, не говорит с упрямецой, она же, не поевши толком, в подушку носом. Голова кружится, сердце бьется как-то неверно. Губы сушит, сводит рот. Знобит, будто промерзла, хоть духота кругом.

Старушка зябло поёжилась, обхватив себя за плечи. Задумалась, тяжело вздохнула, и будто задремала, склонилась головой на грудь. Слова же дальше потекли, что ручеек, сами собой, неспешно, горько, так необычно и так величественно.

— В низенькой светелке открытое окно. В него звезды заглядывают любопытные. Лунная дорожка стелется по низу. Бросает отблеск свой на ровный потолок дрожащий свет лампадки. Кольшет легкий ветерок светлые занавески.

На дворе уж за полночь, молодка вся горит. Зарделись щеки. Губы – вишня спелая. Волосы на лбу, чуть влажные, в завитки сплелись. Одеяло сбито, свернуто в комок. Кровь как говорлива! Грудь как высока! Разметалась по подушке длинная коса и сползла на пол. Сон жгучий прожигает насквозь. И снится ей, что всколыхнулись занавески и впустили в избу гостя неизвестного и что стоит он у изголовья, смотрит неотрывно.

Глядит – не наглядится. Больно черноброва, больно хороша. Молода, горяча, вон, как налита, что спело яблоко! румяна так и так безудержно мила. Исподволь ей косу длинную расплел, положил голубке руку на плечо, дыханием едва коснулся влажных губ и молвит нежно.

— От любви моей тебе уже не скрыться. Вольно или невольно я в твой сон вломлюсь. Защемлю сердечко в крепкие тиски. Не выскользнуть из рук ласковых, от поцелуев не уйти.

Ах, как ей мало воли! Так душно!!! Как хочется раздолья! Привольно было там, в лесу. Где счастья легкая струя судьбы коснулась и унеслась в небытие. Кто он? Откуда? Речь его медова, а губы!.. губы горячи.

И пробуждается, и видит: он – рядом. Не в грезах, наяву. Очи жадные их вмиг переплелись. Губы сладкие, беспощадные в уста молодушки впились. Объятий крепких уже ей не разнять. И желание, доселе неизведанное, молнией жгучей пронзило тело. Как кошка неумоимо гибкая, без оглядки погрузилась в нежность, бросилась в любовь. Настежь сердце распахнула и впустила гостью долгожданную.

Волюшка женская, воля разлюбезная, унеси ее, грешную, в неизведанный донине рай. Дай хоть раз счастьем упиться! Дай отвести душу метущую! Дай, хоть на мгновение, желанной и любимой стать, а потом... можно и в ад. Пусть тогда решают, кто здесь виноват. И пила наслаждение из пылких губ, и таяла в его объятиях несдержанных. Укротить бунтующую страсть уж больше не могла сердцем своим слабым, волей безвольной, скованной страстью дикой. Рассудок спал.

Старушка вдруг глубоко вздохнула, помолчала немного. Девицы изумленно переглядывались между собой. Странница заговорила уже сама, но так чудно, так вычурно и так красиво. Где только слова брала. Она скривилась горько.

— Высокий стиль, изысканная речь. Смогла я быстро к милому подняться. Стать ему ровней в мыслях.

Как сладко говорил он о любви, как сильно я его любила. Плоть моя не полыхала страстью тихой, робкой. Нет! Огонь... томительный, мятежный. Он жег меня, терзал, так волновал своим изменчивым желанием. И задыхалась я в истоме неги жгучей, которая, то вдруг застынет, то снова бурно закипит. О, этот пожар! В нем, тая, я сгорала. Мне близок стал желаний дерзких крик и страсти безудержной стон. Увы, я обо всем забыла. С грехом ложилась, грешная вставала... Какая счастливая была! Во мне звенела радость. Я пела. Я летала. В объятиях любимого познала, какое наслаждение быть женщиной, желанной, обожаемой, единой.

Каждую ночь в моих ногах стелилось шелковым ковром синее небо. По Млечному пути бродила босиком, обжечься не боясь. Мне в волосы вплетали свет зарницы. В короне пышной угодливо сверкали молнии. Луна мой сарафан парчовый выткала жемчужной ниткой по золотому полю. Я куталась в лебяжий пух тончайших облаков. Сладкоголосый ветер, расправив свои тугие крылья, в ладонях невесомых над миром нес нас, ошалевших от любви, и сыпались на нас дожди из россыпей алмазных звезд, нежнее розы лепестков, и благоухание невиданных цветов нас окружало. Что говорить, была я королева.

— Что, это был король заморский? – Хима невольно прервала дивную речь. Елка тут же одернула ее за руку.

— Конечно, нет, – горько усмехнулась гостя неизвестная. – Кто он был на самом деле, я так и не узнала до конца, хоть и догадывалась, что не простой и вовсе даже и не смертный.

Мое ворованное счастье недолгим было. Хоть страсть безумную свою от всех старалась утаить, я родила. Девочку. Хорошенькую такую малютку. Рассудок вдруг проснулся. Ведь это тяжкий грех. Терзают разум мучительные мысли. Безвольное сердце не ладит с трезвой головой. И заметалась я в испуге сильном: тягостных сомнений позднее прозренье гложет грудь. Зачем они, встречи эти тайные? Что миру рассказать о дочке? Как примут ее, в грехе рожденную? И тяжело мне стало жить...

Стремлюсь забыть эту любовь, силюсь во встречах отказать. Проходит день, а к ночи, бьется душа моя невольной птицей, скулит, терзается, о ласках привычных молит здравый ум. Горит жадное тело на костре в невыносимой муке, требует страсти. Мне страшно! Мне больно! Но все же его я люблю с такой неодолимой силой. Придет он ночью темной, оттолкну и тут же обниму. Прижмусь к груди горячей и снова прогоню. Уйдет он хмурый, не оглянувшись на прощание, и сохну я в тоске неукротимой. Вою волчицей ненасытной. Подушку, где голова его лежала, целую, к сердцу прижимаю.

Невыносимо любить такой любовью. Рыдать, скрываясь, метаться, чувствовать, что виновата, что грешна. Проклинать себя, свою судьбу. Терзаться днем. Считать до вечера минуты. Тревожно встреч бояться и ждать их так неистово. Над пропастью бездонною греха стоять и чувствовать, что гибну, пропадаю, и знать, что бегство невозможно.

Свивались нити терзаний в клубок сомнений. Завились в цепи злые мучительные дни, приковали сердце слабое к страданиям невыносимым. Радость пропала. Исчезло счастье. Расстаяло, как дым угарный. Безрассудная, порочная любовь во мне горела отравой, недугом неизлечимым. До доньшка я выпила сей яд мучительный. Ворованное счастье – сладкая беда, невыносимые пытки стыда. Горе горькое, тоска вечная, тягостных сомнений муки нетерпимые. Остыло солнце в моей груди. Пламень сердца жадный, иступленный, отдала в пылу страсти неумной весь до малейшей искорки. Бремни мучительного не вынесло сердечко. Как та свеча на огне открытом, не сгорела, но дотлела жизнь моя. Угасла медленно и невозвратно. Никто не смог помочь. И даже милый со своею колдовскою силой здесь был бессилен. Я родила вторую девочку и тихо отошла от суеты мирской. Но только тело, а душа в плену греха осталась.

Любовь греховная, рожденная в пылу желаний, сгубила душу. Присуждена я к вечной муке. Тенью неприкаянной, с головой склоненной, бреду дорогой неумолимой, исполняя волю строгую, чем дальше, ноша тяжелей и не видать конца и края дороге этой. И не могу спастись в забвении глубоком, мучительны и так сильны воспоминания. Крыльями скользя, напрасно о свод небесный бьется голубкой робкой моя душа. Ей не попасть на небеса. Утомленная любовью, истерзанная раскаянием, все мечется над бездною неискупленного греха.

Шатаюсь тенью мрачною по болотам, лесам, полям, людей пугая встречных и не найду пристанища ногам усталым.

Тяжелые слезы церковных свечей, тихий шелест молитвы моих девочек-сироток, может, помогли бы вечный покой обрести. Но где они? Увы! Я не могу их видеть. Покаяться хотела бы перед ними. Может, простили бы они мать непутевую свою.

И замолчала, задумалась, утонула в своей печали безутешной. Хима и Елка переглянулись осторожно.

— Вот вам вся исповедь моя. Может, послужит для вас уроком, станет предостережением от поступка постыдного, от шага неверного. Совершать грехи просто и сладко, как тяжело потом их искупать. Я прошу, слова мои запомните.

Медленно поднялась, и ушла, горько согнувшись и не оглянувшись. Чем дальше отходила, тем больше становилась тенью мрачной, такую странную в этот погожий день. И вот уже исчезла вдаль, будто и не было никого. Будто приснился дивный сон обоим сразу...

Надолго пауза затянулась. Изумленные девушки смотрели вслед растаявшему, что дым, призраку.

— А разве такое, может быть, — прошептала испуганно Хима, перекрестилась торопливо. — Получается, мы говорили с привидением. Прямо вот здесь, среди бела дня. Кто б мог подумать? Сказали бы — сроду не поверила.

— Бедная женщина, — Елка притронулась к тому месту, где только что сидела незнакомка, — смотри, даже трава не примята. Как хочется ей помочь! Вот, если бы можно было найти ее дочерей и рассказать им правду об их рождении. Как ты думаешь, могли бы они простить свою мать?

— Где их найти? Бабка не отсюда, это точно. Кажется, я знаю всех тутешних. Ничего похожего раньше не слыхала. Можно, конечно, расспросить старуху какую-нибудь об этой истории, но, увы, местные меня сторонятся, будто я особая какая-то.

— А что так? — Елка окинула пристальным взглядом девушку. — Признаюсь, успела заметить, какие странные у тебя отношения с подругами.

— У меня никогда их не было. Я удивляюсь, что батюшка разрешил мне в лес по грибы идти вчера. Обыкновенно дома, всегда одна. По хозяйству что делаю или вышиваю что, пряду. Вот и печь пироги научилась сама.

— Ты за околицу гулять не ходишь?

— Не, — мотнула грустно головой. — Когда еще маленькая была, краем уха слышала от соседей, что батюшка мой раньше жил в другом месте и вел крайне скучную жизнь, но однажды подался в город. Там ему дали-подали, что-то придумал и разбогател... неожиданно. Вернулся домой, сюда переехали. Стал таким прижимистым, мнительным, такой скверный характер сложился у него, что потихоньку все отказались с ним знаться. Сколько себя помню, он день-деньской, как за язык подвешенный, все зудит и зудит. Все ему неладно, да все нехорошо. Я уже свыклась.

Между прочим, по моим годам давно должна быть замужем, да, как видишь, засиделась в девках. Отец сразу дал понять всем будущим женихам, что приданого за мной никакого нет. Все равно, поначалу многие сватались. Это насторожило батюшку. Ему все казалось, что стоит только зятю будущему переступить порог нашего дома, как он сразу же постарается избавиться от вредного старика и все богатство его заберет. Вот он под любым предлогом и отказывает сватам.

Шушукуются, что ненасытная жадность его мать мою загнала на тот свет. Она умерла, я была еще совсем махонькой, поэтому и не знаю, какой была моя мама. Наверно, добрая и красивая. Если бы ты знала, как мне ее не хватало. Недаром говорят, при солнце тепло, при матери добро.

Отец никогда не баловал меня. Все больше криком подгонял к работе да тумачами. Каждый моим шагом недоволен был. Хотя, может, это у него любовь такая ко мне, своей дочери. Не знаю...

Всю жизнь живем за высоким забором, прячась от любопытных глаз соседей. Собака у нас лютая, разорвёт каждого, кто на смелится переступить за калитку. Сколько себя помню, живем взаперти, вдвоем. Скукотища...

— А что, и, в самом деле, у батюшки твоего много золота припрятано.

— Никогда не замечала: вроде живем, как все. Да мне и не нужны его тайны, не любопытна я.

Хима охватила коленки руками, прижала к себе, уткнувшись в них подбородком, прошептала мечтательно, — мне бы замуж... хоть бы за кого — ни будь... мальчика родить, или,

может, девочку. Наскучила жизнь эта одинокая. А ребяташки – это же такое счастье! Ты даже не представляешь себе, какие они! Я часто подглядываю за соседскими. Это такая прелесть! Так и хочется прижать к себе и зацеловать. Не веришь, все, что у меня есть сейчас, не раздумывая, отдала бы за одного такого малыша. Уж я бы его лелеяла, я бы его так любила! – улыбнулась грустно. – Хотя, что у меня есть... – отвернулась, слизнув непрошенную слезинку. – Посему, суждено мне век свой с родителем делить.

— А разве жена не идет в дом мужа жить после свадьбы?

— Идет, конечно, только отец совсем ветхий. За ним уход, как за малым дитём нужен, поэтому он все равно со мной останется.

— Говоришь, стар отец.

— Еще какой, от болезни согнулся дугой, колотит его всего лихорадка денно и ночью.

— Умрет скоро, вот и сможешь замуж спокойно выйти.

— Типун тебе на язык, – замахала Хима руками, – грех такое говорить. Пусть живет себе еще хоть сто лет!

— Да ну его, – рассмеялась в ответ подруга. – Уговорила, пускай живет. – Увидела Мая.

— Отчего столько веселья, – подошел к ней, подал руку, помогая подняться с земли. В другой держал пышный букет.

Холодно кивнул смутившейся Химе.

— Это мне, – потянулась Елка к цветам, вспыхнув от радости.

— Кому же еще, тебе, конечно. Только что отца твоего видел. У озера ждет кого-то.

Будто лучик озорной мелькнул между ними. Стояли близко друг против друга, смешливые, красивые. Хима приуныла, не поднимая глаз, подхватила, отряхнула подол, и ускользнула прочь, зачем мешать чужому счастью.

— Прощайте, – махнула рукой напоследок уже с берега реки. Не спеша, побрела по воде, медленно теребя косу. Что-то неуловимо грустное сквозило в ее движениях.

— Что с ней, – кивнул головой в сторону, ушедшей Май, поднял с земли сверток, забытый девушкой, – будто сама не своя.

— Да случилась тут у нас до тебя встреча одна интересная, вот и растеребила душу ей. Да еще твой намеренно холодный взгляд. Зачем обидел девушку?

— Ах, да, я должен был броситься к ее ногам, ручки целовать.

— Не мешало бы хоть немножко теплее поздороваться. – Глянула пытливо на друга, – мне, кажется, ты ей нравишься.

— Вот еще, придумала.

— Если бы. На душу лег сильно.

— Но мне она не нравится. Круглая вся, щеки, что яблоки. Губы бантиком, что у капризной девицы. Глаза и те круглые, ровно ягоды.

— Ты верно подметил. Такую увидишь – не пройдешь мимо, не забудешь. Глаза у нее красивые, будто вишня спелая. Большие, глубокие.

— Увидела красоту. Она же сама простота.

— Ты хочешь сказать, простосердечна, значит, глупа, – перебила девушка.

— Эта ее наивная улыбка, взгляд непонятно простодушный, цепляющий, – Май даже скривился, вспомнив о Химе.

— Доверчивый по-детски взгляд ты принимаешь за глупость, – допытывалась Елка.

— Смотрит, будто душу выворачивает, так и хочется в чем-то покаяться.

— Не знаю, мне кажется ясный, бесхитростный взгляд, такое трогательное, почти детское смущение, такая нежная певучесть голоса, эта незащищенность, эта наивность не может оставить безразличным любого парня.

— А я, как тебе известно, не любой, я хранитель леса. Служу батюшке твоему верой и правдой вот уже сколько лет. Кстати, что-то не припомню, чтобы она замужем была. До сих пор никого не смогла увлечь. Кроме тебя так никому и не понравилась.

— У нее особый случай. Я уверена, если бы не скупость отца, она давно была бы замужем и имела бы кучу детей, о которых так давно мечтает.

— Зато твой отец ждет-не-дождется, когда выдаст тебя замуж за меня. Только что мы с ним снова говорили о будущей свадьбе. Надеюсь, ты не забыла, кого он хочет видеть своим зятем. А он хозяин слова, и перечить ему ты не посмеешь.

— Вот и выходи за него сам, а я не спешу. Еще погулять охота.

Они медленно брели по лесной тропинке, поросшей высоким резным, душистым от жгучего солнца, папоротником. Елка рукой коснулась друга, глазами показала в лес.

В зелено-бархатных мхах, что мягче пуха птичьего, у корня тоненькой осинки притаились рубиновые подосиновики. Далее, в тени стройных берез боровики стайкой важной расселись. А рядом с тропинкой, у высокой липки скучает один, бледно-розовый. В листьях прошлогодних спрятавшись, под дубом мощным семейка белых грибов на крепких ножках радуют глаз.

— Смотри, сколько их здесь. Вчера мы не додумались сюда прийти.

— Вы так друг другом заняты были, что не до грибов вам. А говорили столько, что я уже думал, никогда не наговоритесь.

— Когда знакомятся две девушки, разговоров у них не переговорить. Хорошо, что ты помог, мы бы не успели столько сами насобирать. Зиме нельзя было домой опаздывать, а то в следующий раз отец не отпустил бы в лес.

За деревьями едва слышен выпы зыбкий всхлип. Вот жаба, волочась неловко, переползла тропинку и в траве густой исчезла. Вскоре осторожный еж выбежал навстречу и притих, чутко вслушиваясь в посторонние звуки. Елка и Май остановились, не желая спугнуть колючего. Он, выждав, недовольно фыркнув, юркнул назад. Тропинка сквозь густой орешник спустилась к тихому лесному озеру. В легкой прохладе воды замерли корзинки белых лилий и желтых кувшинок. Слышится запах тины. В прибрежной волне отражаются кусты верб. Мелькание дрожащих стрекоз над водой. В густых камышах копошится птица беспокойная. На противоположном берегу высокие, звонкие, стройные сосны собрались в кучу, будто для беседы, да и застыли, потянувшись к солнцу.

На сухой поваленной осине несколько ворон, беспокойно перелетая с ветки на ветку, между собой о чем-то громко спорят. Перекрикивая их, горланит неугомонная сорока, пытаясь доказать что-то свое.

У берега на плакучей березе, что выгнулась над самой водой, купаясь в озере тонкими ветвями, увидели седого, с длинной бородой, с добрыми глазами старика, что с лукавой усмешкой наблюдал за птичьим семейством.

— Вишь, как расшумелись, неугомонные, — благодушно поглаживая бороду, кивнул на птиц.

— Отец, тебе же надо было в дальнем лесу сегодня быть.

— Обстоятельства изменились. У меня здесь одна деловая встреча наметилась. Гость неожиданный напросился с просьбой. Вот жду. Припаздывает что-то. А у вас вижу уже все ладно, все сговорено. Может, мирком да за свадебку.

— Я тебе так сильно надоела, что замуж меня поскорее спихиваешь, — нахмурилась притворно дочь.

— Ну что ты, — улыбнулся широко, — ты же знаешь, что твое слово для меня закон, но очень хочется тебя счастливой видеть, с внуками повозиться.

— Мы тебе пирожков принесли. Вкусных! Уверяю, ты таких еще не пробовал, — постаралась изменить разговор, — нас угостили по случаю воскресенья. Май, давай сюда узелок.

— А в нем ничего нет, – он, огорченный, разглядывал порожний сверток. – Не заметил, как по дороге все съел.

— Ты же не хотел, – раздосадованная Елка только сейчас заметила, что пирожки исчезли, – вкусные были? Понравились?

— Не скрою, пришлось по вкусу. Выйдешь замуж, будешь каждый день такие печь.

— Не дожدهшься, – сердито нахмурилась, но тут же, словно летний день, снова прояснилось ее лицо. – Да ну вас, – отмахнулась шутливо, – пойду лучше венки доплету, а то некоторые цветы насобирали, да изрядно их примяли.

И пошла, не спеша вдоль озера, напевая что-то про себя.

Тут же из лесу показался высокий темноволосый мужчина, одет по не обыкновению. Черные кожаные штаны галифе, заправленные в светлые сапоги. Яркая красная рубашка, с открытым нараспашку воротом, откуда выглядывала густо поросшая, кудрявая грудь. Лицо узкое, длинное не лишено приятности. Глаза цепкие, веселые. Брови густые вразлет. Упрямая ямочка на подбородке. Подойдя, шумно поздоровался за руку с хозяином, потом с Маем. Разговор начали, как старые знакомые, видно, знают друг друга давно.

— *Это*, когда мы с тобой последний раз виделись, Сильван, – прищурил дед хитрые глаза, – я уже и не припомню, так давно это было. Что привело в наши края на этот раз, – старик по обыкновению благостно поглаживал свою большую бороду.

— Кольцо нынче появилось у вас в лесу необычное. Задание получил от Главного, найти и принести.

— Что за кольцо?

— Не знаю даже! Говорят, будто к нам с неба попало, поэтому и сила в нем кроется небывалая. А каждый, кто овладеет им, будет располагать такими могучими возможностями, что простому смертному и не снилось! Кольцо, будто бы, появилось давно, но почему-то проявило силу свою необыкновенную, только сейчас. Будто бы моего Хозяина попросили найти его, чем побыстрее и вернуть назад. Вот с таким заданием меня на землю послали.

— А что, жарко у вас там, – не утерпел Май.

— Да и у вас не прохладно, вон, как печет.

Сильван одет был, конечно, не по сезону тепло. Пот струился градом по горячему лицу. Он беспрерывно вытирался дорогим шелковым платком, надушенным таким ароматом, что терпкий, удушливый запах распространялся довольно далеко вокруг.

— Я тоже что-то необычное заметил ныне, будто волна могучая, невидимая лес качнула на мгновение. Серьезная вещь! Где искать-то будешь? До сих пор ни слухом, ни духом о нем никто не слыхивал. Если снова не даст о себе знать?

— Будем надеяться на лучшее. Мое задание, найти и принести, во что бы то ни стало. Вот поэтому к вам за помощью пришел. Сила его обязательно должна проявиться. Если, что обнаружите, сразу же дайте знать, а я в долгу не останусь.

Тут заметил девушку в роскошном венке из полевых цветов, что неторопливо шла вдоль озера, задумчиво перебирая лепестки.

Сильван увидел и, словно ошалел, залепетал, любуясь, – как возбуждающе легка этих шагов летящая походка. Этот пленительный изгиб прекрасной шеи, этих шелковых волос струящийся водопад!

Елка, также заметив гостя, подошла, поздоровалась приветливо, одарив его лукавой улыбкой.

— Кто ты, дивное создание, пленительный цветок в глуши лесной, прекрасный, трогательный!

Девушка досадливо поморщилась.

—О, этот дерзкий взгляд, что манит и дразнит своей прохладой горделивой! Ланиты, что зари закатной краше! А этих уст изгиб упрямый, что в улыбке легкой выворачивает наизнанку грудь бывалого мужчины!

Я будто поражен ударом молнии внезапной, и, ослепленный, припадаю к твоим стопам, о, фея леса!

Елка уже в изумлении уставилась на дерзкого незнакомца, что грохнулся к ее ногам, не понимая до конца его бессвязной речи. Взглянула на отца, на друга. Те откровенно потешались над Сильваном, что, моментально забыв обо всем на свете, стоял коленопреклоненный, с мольбой в глазах сияющих.

— Дай, голубка, мне свою нежную ладонь, и разреши ее коснуться лишь слегка несмелыми губами. Повторяю, я ослеплен, и взор свой очарованный не в силах отвести. Как я хочу, но не посмею, к своей груди прижать прелестную головку, нескромными губами сорвать стыдливость сладких губ!

Подхватил ладонь девичью и жадно прижался к ней губами.

Тут уж Елка рассердилась не на шутку. Такая неслыханная дерзость моментально превратила кроткую голубку в дикую кошку.

— Лукавый змей с горящим взглядом, с ядом смертельным лстивых слов, – девушка вырвала ладонь из похотливых рук, – коварный лгун, меня не обморочишь!

— Клянусь, такого со мной еще не было, поверь! Как юнец неискушенный, бросаю сердце к твоим, о, гордая, ногам. Слышишь, как оно трепещет и молит о снисхождении, о любви ответной.

— Искусный ловец доверчивых простушек! Скольким заморочил голову своею лестью? Скольких обманул любовью лицемерной... я не из их числа.

— Не скрою, многим обещал в любви блаженство неземного рая, но такого со мной еще не было ни разу! Дай, неприступная, надежду, что любовь моя найдет ответ в твоем сердечке.

Прошу! Не думай долго, мне руку нежную доверь! Я поведу тебя дорогой наслаждений, и дам тебе все, что ты захочешь. Я не так прост, как кажется. Метель и морозы, дожди и туманы, грозы и ветер – все мне покорны. Я несметно богат, и казны не считаю. Вовек не оскудеет мое добро. И золотом, и бархатом полны мои палаты...

— Мы будто тоже в нищете не прозябаем, осмелюсь перебить хвалебные слова. Отец мой – царь лесной.

Надеешься, что сердце девичье, будто беспечный, глупый мотылек, полетит на твою лесть, чтобы потом сгореть в огне коварства.

Думаешь, доверюсь твоему бахвальству, поверю этим глазам, что в глубине холодного, глухого взгляда прячут презрение к миру, гордость ненасытную, лицемерие и вероломство. Не скрою, ты хитер, я тоже не глупа. Тебя, как коршуна, влечет к добыче робкой. И дрожишь ты не от избытка страсти пылкой. Это лихорадка азартного охотника, когда он видит жертву и боится упустить ее.

— Ты умна, как и прелестна. Легкий спор наш игрив и весел. Знай, сердцу твоему нынче тошно – завтра будет сладко. Ныне я у ног твоих – завтра ты в объятиях моих.

Прошу, обрати рассудком здравым лед души в пламя любви. Трепет гнева своего в страсти дрожь. Вижу, переменчива, как летний день, но это так меня заводит!

Стою перед тобою на коленях, молю о снисхождении. Пощади! Любовь нежданную мою не обижай словами колкими. Дай сердцу своему награду. Открой гордыню для любви. Ты слышишь, как мое бьется в упоении. Это так сладко!!!

— Зато мое спокойно. Не согреть его дыханием улыбки стылой, надменным взглядом любовь не раззадорить. Сердце девичье не доверяет ни словам коварным, ни обещаниям напрасным.

Не быть осине дубом, а на рябине шишкам сроду не расти. Я сердцем чую, для тебя любовь – всего лишь минутная, самодовольная забава.

Сильван недовольно поднялся, отряхнул колени от земли. Разгневанная Елка приблизилась к гостю, обдала жгучим, сердитым взглядом.

— Кто бы ни был ты, запомни раз и навсегда, между нами, неизменно непрístupная межа и, захочешь, не перескочишь! Не поймаешь в сети своей коварной лести, не обманешь! Шутлив и весел ты, я тоже не проста.

– В глазах твоих искрится недоверие и в ярости взлетает бровь дугой. Кошкой хищной смотришь в глаза злорадно, стегаешь насмешливым взглядом!

Где та, кроткая голубка, что встретил только что на берегу? Мой свет, мне нравится удар неожиданных поражений. Я всегда получаю, что хочу. Клянусь! И это правда!

Девушка фыркнула презрительно, – надеюсь, не во всем. Ушла, даже не оглянувшись на отца и Мая.

Сильван беспомощно присел на дерево. Старик, все еще смеясь, по-доброму, от души, – что получил. Это тебе не девок городских с ума сводить, сердца им разбивать. Мы, хоть не учены, но сердцем чувствуем обман.

— Клянусь всем, что у меня есть, она меня полюбит вскоре!

— Не давай клятв напрасных, тем более что дочь моя помолвлена и вскоре выходит замуж. Вот и жених ее, – показывает взглядом на Мая.

Но Сильван, будто глухой. Только одно твердит. – Я добьюсь ее любви, чего бы мне это не стоило, вот увидите! Могу с любым поспорить.

IV

Возвращение в судьбу.

На небе зорька алая разгорается, и месяц бледным острым серпом нехотя прячется за верхушки деревьев. Звезды меркнут, тают в бездонной синеве. Облака белым стадом плывут. Бодрый, розовый, росистый, будто влажные губы девичьи после ночного свидания с милым дружкой, просыпается день, разбуженный звонкими птичьими голосами. Вот и солнце огромным пламенным шаром медленно взбирается на небо. Веселое шумное утро, радуя буйством зелени, свежестью прохлады, растворяется в седых туманах, в травах душистых. Радугой многоцветной блестят на солнце между деревьями тонкие кружева паутины. Вдоль дороги два леса простилаются. Один сосновый. Другой березовый. Один светлее, другой темнее.

Слева, за деревьями, нива густая проглядывается, где уродилась этим летом рожь на славу. По зорькам колос золотой налит. Напоенная щедрым дождем, зацелованная солнцем ласковым, убралась она в синие васильки по золотому долу. Ветер теплыми руками перебирает колосья усатые. Время от времени проказник пронесится широкой летящей волной от края до края поля.

У обочины лесной дороги тройка буйная стоит, нетерпеливо перебирая копытами. Ждут кого-то. Вот взвились и полетели! Вожжи ловко сжал в руках возница умелый. Волосы его по ветру разлетелись, щеки от быстрой езды разгорелись. Встречный ветер щекочет влажные глаза. Солнце брызжет в очи золотом лучей слепящих. Он живо погоняет закадычных то залихватским свистом, то ласковым словцом. В крепких руках длинный хлыст, что то и дело шелкает игриво. Под дугой колокольчик хохочет до слез, да пыль летит из-под копыт. В карете сидят женщины. Одна молодая, две постарше. Едут, задумавшись, каждая молчит о чем-то своем.

По дороге за ними, догоняя, несутся еще двое всадников, так быстро, что кажется, будто летят. Слышится размеренный топот о землю бьющих копыт. Уверенный, упругий скок лошадей, их равномерное хрипенье и трепет вытянутых шей едва слышны в свистящем встречном потоке воздуха. Распушенные гривы летят по ветру, ритмичный звон бубенцов, да столбом за ними все та же серая пыль.

Дана еще несколько дней назад была одинока и никому не нужная. Теперь у нее есть отец, который неловко прячет свой виноватый взгляд. Верный друг, скачущий вслед на лихом вороном. Тетя и мама Нора напротив. А едут они в город, где живет родная мать. Как ждет и боится предстоящей встречи! За это время столько всего с ними произошло, что поневоле в глубине души тлеет тревога, в замке тоже что-то могло случиться недоброе.

Время от времени взглядом ловила Клару. Ворона то летела рядом, то садилась сверху на карету, с довольным видом оглядывая проносящиеся мимо деревья. Иногда Кирей скользнет осторожным взглядом. Глазами встретятся случайно, залетится тогда краской смущения лицо девичье. Быстро отведет взгляд неловкий в сторону. По душам им так и не довелось поговорить. Столько событий произошло за последнее время и тревожных, и радостных, а, может, поневоле избегали встреч нечаянных. Дана не хотела признаться себе, что она и не стремилась к уединению. Что-то удерживало ее от свиданий укромных. Может, в душе еще остались осколки той, отвергнутой, первой любви. Хотя, расставаясь, Лука просил не держать на сердце зла. Сейчас вспоминала свою бывшую сердечную тоску с легкой грустью. Все быстро переболело, отошло. Осталась только горечь воспоминаний, да обида на себя, что не смогла остановиться вовремя, не сумела сердцу приказать, что не в ладу ретивое с разумом. И теперь, хоть и спокойно на душе, но где-то глубоко, на самом доньшке, ноет капля чего-то необъяснимого. Кирей, конечно, и роднее, и ближе Луки. И красавец, вон какой, глаз не отвести. Но почему услужливая память подсовывает тот прежний сон, где она с молодым человеком. Кто он! Может это и есть Кирей.

Вчера за ужином мама Нора полушутя, полусерьезно предложила, по приезду в город обвенчать их. Все одобрительно зашумели. Что скрывать напрасно, каждый, глядя на молодых, невольно думал о том же. Предстоящая свадьба еще больше породнит такие близкие семьи.

Долго ли коротко ли продолжался их путь. Настырный солнца луч уже не обжигает землю, не слепит глаза. Светило неторопливо спускается за лес. Пахнувший хвоей смолистый воздух приятно ласкает горячие от быстрой езды лица. Небо четкое и высокое, упоительно-чистое. Дорога незаметно расширилась, стала укатанной. Путь их близится к концу. Скоро город покажется своими высокими резными башнями. Кони, чувствуя послабление, постепенно перешли на шаг.

Ветер озорной мало-помалу расходится, играючи. Подымает сосен пыльцу ядовито-желтую и вместе с пылью дорожной, серой клубами тащит в лес. Играет с девичьей косой.

Только что был белый день, и вот уже не видать ни зги. Откуда не возьмись, стремительно налетела буря злая и с размаху да со всей силой подняла вверх густую пыль, завила ее в бешеные круги. Заметался, застонал сердито ветер. Комья грязи сверху бьют, сплошной песок поднимается снизу. Сразу не стало воздуха. Нет неба! Нет земли! С небес упали облака, накрыв все вокруг плотную тьмою. Чутье заглохло и застыло. Где они? И что вокруг творится?

Тут выскочил проказник леший, невидимый в пыли. Ему раздолье в кутерьме. Он к лошадям усталым в ноги резво кувыркнулся – карета на бок вмиг перевернулась. А бесовская душа, ну, давай играть во тьме, и, ну, давай резвиться. То вдруг блеснет пугливо огонек, или дорогу кто-то торопливо перейдет. Там, впереди, неосторожный колокольчикбрякнет, то кто-то за спиной испуганно аукнет.

Или собак далекий лай послышится, то вдруг воротами сердито стукнет кто. Столпились кони, растерянные люди рядом. Оглядываются беспомощно вокруг. Ни зги не видно всем, хоть плачь. Но вот, как и пришел, так и растаял мрак непонятный. Ветер угомонился. Напоследок еще раз взвился в небо буйной птицей, крылья могучие расправив, камнем бросился на дорогу, и, будто подрезанный, упал у корней могучих сосен. Усталый и обессиленный, долго приходил в себя, лишь только иногда пытаюсь своими пыльными ладонями поднять листок ленивый, прошлогодний.

Грязь улеглась. Дорога стала чистой. Снова солнце глядит с улыбкой доброю сквозь стаи туч. У кареты спало колесо. Мужчины раздосадованы: придется время потерять, чтобы его на место поставить. Но делать нечего, засучив рукава, приступили к ремонту. Нора и Наина решили побродить по лесу, размять затекшие в дороге ноги. Многозначительно переглянувшись, поспешили оставить Кирея и Дану одних.

В густой прохладе заросшего леса дышалось легко до одури. По еле видимой тропинке брели двое, молчаливых, смущенных. Над головой зажглись первые робкие звезды. Клонясь, дрожит иван-да-марья. Поет залиvisto веселый дрозд. Краснеет в густой зелени спелая земляника.

Кирей шел следом, срывая иногда листья с деревьев. Дана тоже притихла, не смея первой слово молвить. Гнетущее молчание явно затягивалось.

— Что же ты, грустноглазая девочка моя, прячешь от меня свой взгляд, – решил первый парень. Голос его осторожный, – будто боишься. Что тебе я сделал? Чем сердце насторожил?

— Жду, пока первым заговоришь, – густо покраснела. Остановилась возле березы. – Не положено девушке разговор начинать.

— По желанию родителей должны с тобою обвенчаться вскоре. Ты замуж за меня пойдешь? – подошел, снял паутинку легкую с волос. Дана, опустив глаза, стояла нерешительная и покорная. Бережно взял за плечи, к себе приблизил, заглянул в глаза и потянулся к губам желанным. Сердце девичье на миг тоскливо сжалось, и в памяти мелькнуло другое странное лицо. Всего лишь миг, но Кирей сердцем почувствовал заминку нежеланную. Отвернулся, огорченный. Дана виновато опустила голову. С мольбой застывшая улыбка.

— Ты пойми. Я не могу так быстро забыть все, что было еще вчера. Дай мне немного времени опомнится.

Улыбнулся грустно и повернул назад. Следом последовала девушка, виноватая и удрученная.

Карета уже стояла на четырех. Рядом у дороги сидели Эльдар и Тимор. Кони паслись около. Можно было ехать, но не было Наины и Норы. Дружно позвали их вместе. В ответ только эхо дразнящее. Тимор решил пойти навстречу, а то еще заблудятся.

... Думы беспокойные его, будто птицы буйные, узду грызущие, взмывая крылья, рванулись ввысь, понеслись неумоимо, растревожив ворох воспоминаний.

Сколько всего пришлось пережить за последние дни. На душе и радостно, и горько. Сейчас у него две взрослые дочери. Правда, и Антон обрадуется, что у него теперь есть дочь. Даже жены было две. Сердце отказывалось винить Тулу. Оно будто раздвоилось. Одна половинка в прошлое с тоскою глядит, скучает по прежней жизни. Все-таки столько лет прожито вместе, столько соли съедено за одним столом.

Другая с робкой надеждой в будущее стремится, ждет с нетерпением встречи с княжеством, с Милой. Как она, что с ней за эти годы произошло? В деревне никому решили ни о чем не говорить, пусть остается все, как прежде. Просто собрались рано утром и уехали без лишних объяснений.

Неожиданно перед ним показалась река. Широкая, полноводная. По ней месяц серебром стелется. Лучи его скользят по ровной глади спокойных волн. Дорожка эта ловит звезд далеких лучистый свет, качает их зыбкое отражение.

Эх, вы, думы мои, думы! Думы окаянные! Завладели бедной головушкой, не заметил, как заблудился, как от полыхала заря вечерняя. Сонный туман над водой расплзается. В трепет-

ном сумраке остывающего вечера бродит месяца ясный луч, выхватывает одиноко сидящую женщину на берегу. Вот хорошо, сейчас и дорогу можно узнать. Заждались, небось, уже возле кареты.

Подойдя, тихо поздоровался. Усталой сетью мелких морщин изборозило чело, лицо, тронуты губы незнакомки. Она спокойно осмотрела гостя незваного.

—Заблудился, видно. Не подскажите, как на дорогу выйти.

— Доброму человеку не грех помочь.

Дрогнула отчего-то, тоскливо заныла встревоженная память при звуках голоса тихого.

— Звериная тропа в орешнике крутится затейливо, пересекает дорогу и дальше в лес прячется. Будете ее держаться, выйдете вскоре.

И отвернулась равнодушная. Уперлась взглядом в реку, застыла в молчании скорбном. Неуверенно прошел к кустам густым, внимательно осмотрелся. Почесал с досады затылок, потоптался на месте, вернулся, решительно подошел и только хотел повторить свою просьбу, как вдруг с губ сорвалось,

—Вам не тоскливо одной в этой глуши лесной? Гостей здесь сроду не дожدهшься, – добавил неожиданно для себя с ухмылкой. Что за дерзость с его стороны непонятная!

— Все мы в этой жизни только гости, судьбы всемогущей слепые рабы. Я же каждый день вижусь с друзьями верными. Зываю их к себе словами особыми, – ответила тихо, только голос чуть дрогнул, едкостью ужаленный.

— Товарищи мои дорогие, гости званые, гости жданные, вы на меня не сердитесь, обитель затерянную, не обходите. Ко мне хоть на минуту, загляните. Я поднимусь с холодной постели, открою вам кованые двери. Застелю столы тесовые. Угощу калачами медовыми. Каждый день приходят ко мне двое гостей. Двое гостей, столько же радостей. А что первый гость – солнышко красное. Второй гость – месяц ясный.

—Чем же ты хвалишься, красное солнышко?

— Я как всхожу рано – поутру, радуется весь мир крещеный. Весь мир крещеный, и детки малые. Дедки кволенькие и бабки хиленькие.

— Чем же хвалишься ты, месяц ясный?

— Если я всхожу ночью темною, ночью темною непроглядною, радуется весь зверь в поле и в лесу. Радуется путник усталый в дороге дальней.

Подкосились ноги деревянные, присел, охнув, рядом, онемелый, услышав милого голоса звуки родимые.

При сказке этой, что в сердце отозвалась тупой болью, медленно поднявшись в небо, камнем грохнула вниз жизнь далекая, радость давняя. Сквозь пелену прошедших лет четко увидел женский силуэт, склоненный над кроваткой детской. И голос ласковый незатейливую историю рассказывает.

– Мила! Неужели это ты! Здесь!.. В этой глуши! Одна!

Оглянулась резко, глаза, потемневшие сузив,

– Добрый человек, Вам идти пора. Не смею больше задерживать.

– Не узнаешь меня. Тимор я, муж твой.

– Не гоже убеленному годами, над одиночеством чужим смеяться, – выдохнула горько.

Он упал на колени, схватил ее руки, уткнулся в них лицом, прильнул губами к родным ладоням.

– Глухой тоски не множь, путник случайный! Не вороши былые годы, не заводи напрасный разговор. Прошу, больную память не тревожь, скорбь тяжкую не тереби! Она невзгодой распоеется снова, и не смогу забыть печали прошлых лет.

Тимор прижал к щекам прохладные ладони, не смея верить в эту встречу.

–Не искушай возвратом нежности слепой. Давно не верю ничьим словам. Не верю ни в участие, ни в дружбу верную...

Почему поцелуй, дарованный тобой, меня волнует? Среди обломков прошлых лет я голос этот слышу часто. И снишься ты мне и дочь, пропавшая с тобой! О, память горькая моя...

Мои года! В скрещении рассветов и закатов бегут они, молчание храня. Бегут мгновения немые за днями дни, за годом год.

Жизнь отцвела, но без меня. Подползла неслышно к порогу старость. Увядшая душой и телом, слышу упрямые ее шаги.

Сердцу не согретому пришлось угомониться. Как тяжело одной встречать рассвет! Лишь тишина поет мне песни заунывные.

Вот и сегодня завесы уснувшего заката растянул над входом обители пустой вечер сиротливый, не согретый ничьей заботой, ничьей лаской...

Не утаю, в твоих речах кроется цель моих заветных снов, где меня терзают стремительным вихрем немислимых чудес безумные кошмары.

– Я знаю, поверить трудно, но это, правда, я!.. с той далекой, прежней жизни... я!..

Осторожно губами прикоснулась к седым волосам, вдохнула робко забытый запах, такой чужой и такой близкий... отшатнулась испуганно,

– Когда-то там, в другой жизни, я дошла до счастья, случайно прикоснулась к запретной сказке, но не получила, чего хотела, о чем мечтала, чего сердцу желалось. Счастье мелькнуло солнечным зайчиком неуловимым, поманило радостью и обмануло. Со мной остались лишь безысходность неумемная и черная, гнетущая тоска.

Как устала! Устала!.. Я так устала плакать о прошлой жизни, – ладонь освободила из цепких объятий, протянула к лесу, – чу! Слышишь, – прошептала, – шуршат угрюмые крылья одиночества усталого меж тонких веток. Это моя неласковая судьба спряталась и неусыпно стережет мою печаль.

Для меня уже давно все кончено! Смирилось тело, и душа успокоилась. Сердце сожжено, слезы высохли. Меня не трогает уже ничья нежность, ничья любовь.

– Посмотри внимательно в мои глаза. Прислушайся к сердцу своему, доверься его зову. Я муж твой, пропавший внезапно столько лет тому назад.

– Сердце испепелил огонь тоски невыносимой. Сжался над бедным!

Не скрою, в печали безутешной поневоле надеюсь на радость тихую. Сердце хочет, оно, безумное, так просит чуда. Прошу! Пожалей, не обмани веру хрупкую. Посмотри, небо так злобно низко и месяц звонкий так ехидно смеются над моею постыдной надеждой... – смотрит пристально в его глаза. – Отчего меня сомнения не тревожат... Душа моя твоей душе близка... Не спугну движением неосторожным видения туманный призрак.

Знаю, держит от всех судеб ключи Царь небесный. Может, открыли мне ларец чудесный. Может, впрямь, не лгут глаза, и сердце не напрасно тянется к тебе, о, запоздалый, странный путник. Что-то зябко стало, – поежилась растерянно.

– Наконец, поверила, – вздохнул с облегчением, – я случайно забрел сюда. Заблудился. Иди ко мне, согрею.

Обнял за плечи, в руки взял холодную ладонь, прижал ее к своей щеке горячей. Неловко уткнулась головой в крепкое плечо.

– Как закружилась голова... я не знаю даже отчего, слезы душат, комом в горле радость нечаянная. Столько счастья не поднять мне, годы уже не те.

– Что ты, родная, вдвоем осилим. Какие еще наши годы! Отныне по жизни пойдем вместе. Отступит тоска от сердца. Увидишь, когда-нибудь все станет лишь злым воспоминанием. Постепенно в памяти затеряется так далеко...

— Помнишь, тогда, на берегу: луна, таинственные звезды и соловьи, захлебывающиеся от любви. В твоей руке моя рука, и мы одни. Также кружилась голова...

Как сладко щемило сердце и ночь, хмельная трепетом томящего желания, такую дивною отрадою дышала! Увы! Я уже не та, что раньше.

— Я помню каждое мгновение с тобой. Как губы твои искал под взглядом цепким той луны нахальной. Твои глаза счастливые и холодок покорных губ мне не забыть довеку! Ты, как и прежде, так же красива и мила.

Замолчали двое, уже не молодые, но разве такие давние! Жизнь для них лишь только начинается. Забылись в своей печали светлой.

— Зловещим раскатом грома небесного, сквозь стаи черных туч упала ко мне на грудь птица жуткая со страшной вестью. Рассудок помешался. Я не могла поверить, что возможно такое...

В ту ночь никто так и не смог мне помочь. Я билась в муках безутешных, рыдала, к небу зывала, молила пощадить, вернуть тебя и дочь. Оно безмолвно глядело на меня, злорадно улыбаясь... Как долго ждала тебя, надежду робкую в сердце согревая! Как долго и везде искала!

— Прости за то, что другая любимая была у меня в той прошлой жизни, где о тебе забыл под чарами напитка колдовского. Тула, твоя сестра, пыталась вернуть меня в свою судьбу, за что и поплатилась жизнью.

— Тебя тоже поили травами, чтобы в забвении топить?

— Нам есть о чем поговорить, но все потом, ладно, главное, мы вместе! Как небо с солнцем, как звезды с луной отныне будем всегда рядом. У меня для тебя весть хорошая, только надо выйти на дорогу, – заторопился вдруг Тимор, вспомнив, почему очутился в лесу. – Собирайся, уходим, нас ждут.

— Мне и собираться нечего. Все мое на мне.

Мила встала, отряхнула одежду.

— Тогда идем скорее, – взял за руку и уверенно повел за собой.

Вышли на дорогу на удивление быстро. Все были в сборе. Молча смотрели на новую знакомую Тимора. Он, заметив, как настороженно переглядываются его друзья, засмеялся.

— Это совсем не то, что вы думаете. Напрягите память и внимательно взгляните в эту самую дорожку и близкую для меня женщину.

Чтобы не томить напрасно, помогу. Перед вами моя жена.

— Какая, – не удержалась ревниво Дана.

— Не волнуйся, она у меня одна, твоя мать. Мила, а это наша дочь. Как видишь, жива и здорова.

Растерянная пауза затянулась. Смотрела Мила на уже взрослую свою девочку и не верила своим глазам.

— Кровиночка моя! Как много долгих лет я шла к тебе! Как долго ждала этой встречи! – протянула дрожащие руки навстречу дочери. Девушка нерешительно оглянулась на маму Нору. Та уже бросилась в распахнутые объятия, – Мила, какая радость неожиданная!

Смущенная Дана уткнулась в плечо материнское. Плакала от счастья Мила, всплакнула Нора, даже Наине пришлось прослезиться.

У

Прими меня в свою любовь.

И вот уже они въезжают в высокие резные ворота. Встречать их вышли все, несмотря на столь поздний час. Непрестанно ахали и охали молодки. Многие из них прослезились от радости. Мужики, переминаясь с ноги на ногу, сдержанно покашливали, прикрывая рот огрубевшими ладонями. Бурному ликованию не было предела.

Княгиня после неожиданной пропажи дочери и мужа долго хворала, пребывая в полузабытьи. В последнее время память постепенно возвращалась к ней. Глаза стали осмысленнее, речи внятными, желания понятными. Решили, наконец, судьба смиловилась и послала бедной женщине выздоровление. Но вот, очередной ночью, княгиня исчезла. Обыскали вокруг везде, где только могли. Так ничего не нашли, будто растаяла бесследно.

А тут вернулись, и сразу все. Радость-то какая!

Антон не верил глазам своим. После непонятного исчезновения княгини ныло сердце неустанно. Не мог ни есть, ни пить. Тяжкая вина клонила к земле его седую голову, забрала остатки сна. Как мог не устеречь единственную, кто остался от княжеского рода!

Кто мог ее похитить? Если сама ушла, почему? Сомнения терзали душу. Ему казалось, что княгиня что-то заподозрила и покинула замок, не доверяя ему более. Неспроста не стало ее. События последних дней убеждали его в этом.

Недавно Антон привел во дворец молодую и бойкую женщину. Веселая, неугомонная Марта, довольно быстро освоившись, светлым солнечным зайчиком ворвалась в скорбную, будто вечные поминки, жизнь обитателей замка.

Познакомились они на рынке, куда Антон пришел узнать последние новости, надеясь услышать хоть что-то о пропавшем князе. Он все еще верил в то, что князь жив и невредим. Только где он и почему о нем до сих пор ни слуху ни духу!

Как всегда, задержался у рядов, где торговали орудием. Вчера прибыл корабль из-за моря, привезли много диковинного товара. Здесь уже столпились восхищенные покупатели. Седобородые, почтенные и совсем юные, безусые. Страсть у всех одна – оружие. Рядом с Антоном остановился грузный краснолицый господин, с пристрастием разглядывая сабли. За рукав его тормозила нетерпеливая жена, такая же крупная, как и хозяин. Он недовольно отмахивался от нее, словно от назойливой мухи.

— Люди добрые, – жужжала настырная дама, на все стороны размахивая полными руками, приглашая в свидетели прохожих, – в кои веки выбрался на рынок, чтобы купить жене подарок на день ангела и застрял! Да еще где! У тебя уже этого убийства столько, что и девать некуда. Ты что, солить собираешься?

— Не говори кума, – присоединилась к ее словам, бегущая мимо них такая же дебелая, с небольшой корзинкой в руках, молодка. – Совсем помешались на этом орудии. Мой тоже принес сегодня какую-то очередную дрянь.

— Стой, – схватила за руку, обрадованная внезапной встречей, кума. – Ты откуда такая шустрая.

— Ой, да и не спрашивай, – колыхнула огромным животом, – там, – махнула пухлой ручкой, – в ювелирной лавке, изумрудов навезли, золота, бриллиантов всяких. Надо Вирене рассказать поскорее. Неровен час, набегут, раскупят. Ты же знаешь, как она любит такие вещи. Так что, извини-прости, кума, сегодня спешу. В другой раз поговорим.

Но кума рада-радешенька встрече неожиданной. Начала тормошить подругу, расспрашивать о всех знакомых и незнакомых. И пошло-поехало. Кто сына женил, кто дочь замуж выдал, кто купил корову, кто коня. А кто, дико глаза округлив, оглядываясь заговорщицки по сторонам, бегаёт на свидания от мужа законного. Грех-то какой, крестятся торопливо. И тут же забыв об этой новости, уже перемывают косточки зловредной Вирене, которая в последнее время совсем обнаглела. Набелилась, нарумянилась, насурьмилась, соорудила прическу а-ля оскубанная лошадь и ходит по городу в мехах из облезлой кошки, задрав свой острый нос, будто цапля, перебирая своими тощими ногами, в таком платье, что эти тоненькие ножки нахально просвечиваются сквозь него. Разве к лицу старой кобыле в ее-то годы хвостом вертеть!

Цены себе сложить никак не может. Одна голова на плечах, да и ту так опоганила. Тьфу, – плюнули дружно каждая в свою сторону. Сколько же ей годков – то. Поди далеко за... Надо же так хорошо сохранилась, из кобылы в клячи перешла. Хотя при ее муже и его деньгах...

Дамы забыли обо всем на свете. В их годы самое приятное время, когда есть кому рассказать, что ты думаешь о других. Смех громкий, размашистый то и дело прерывал их бойкий разговор. Забыто все на свете!

Рядом с ними не менее колоритная, живая молодка, старательно заглядывая в рот веселым кумушкам, пытается что-то узнать. Напрасно. Они так заняты друг другом, что окружающее их совсем не волнует. Ее толкали прохожие, цепляясь корзинами, мешками, ящиками, но она упорно держалась рядом с ними. У незнакомки были такие вкусные, очаровательные губы; нижняя была чуть больше верхней и посередине поделена едва заметной игривой полоской. Она порой, совсем по-детски, прикусывала губу, и тогда на румяных щеках возникали не менее обаятельные ямочки.

— Кто торгует украшениями, – дергала за рукав по очереди то одну то другую, – где эта лавка.

— Отстань, – недовольно отмахивались от нее.

— Вы скажите, и я уйду. Мне очень надо, ну, прямо, сейчас!

— Кто, кто, – наконец отозвалась одна из кумушек, – Чмок, мистер Чмок...

— Чмок ибн Пипла, – перебила другая, заливаясь от смеха. – Имя у него с рождения чудное, сразу и не проговоришь. Вот и прозвали Пиплой. Маленький такой..., корчит из себя сильно умного. Как произнесет что, день вспоминаешь, о чем. Не слыхала?

— Не а, – мотнула головой в ответ.

— Ты его не знаешь? – визгнула товарка, – у него еще борода, как у козла, торчит и голосок такой же козлиный. – И тут же обе вспомнили о Вирене, о ее муже и новый анекдот про козла, который, чем старше становится, тем больше рога имеет, снова покотившись со смеху.

— Если вы не против, я могу показать дорогу, – сжалился Антон. – Здесь недалеко.

Фыркнула на него сердито, обдав едким взглядом зеленых глаз, будто ушат холодной воды вылила, но тут же спохватившись, лукаво улыбнулась своей дивной усмешкой.

— Ой, простите меня, дуру бестолковую. Видите, совсем заговорила. Если вы такой любезный, не откажусь от помощи, идемте.

— Тогда вперед!

Ловко ринулись в бурлящий поток людской. Через некоторое время были у ювелирной лавки. Там уже собралась небольшая толпа зевак. Одни мужики, что, не решаясь подойти ближе к раскрытым настежь окнам и двери, разделившись по двое, по трое, кучками, лениво перебрасывались своими соображениями по поводу сегодняшних цен на пшеницу, на гречиху, просо. Погода также стала предметом их степенного обсуждения.

Потягивая трубки, искоса поглядывали на вход, кто сегодня будет первым покупателем. В эту лавку приходят всегда знатные и состоятельные. Часто-густо, это весьма высокородные дамы, иногда в сопровождении своих именитых мужей. Каждому хотелось поглазеть на сильных мира сего, чтобы потом, на досуге рассказывать об этой встрече своим знакомым, смакуя каждую подробность увиденного.

Марта остановилась, оглянулась на Антона, одернула на себе юбку, привычным движением ладонями всколыхнула грудь, игриво провела по волосам, глубоко вздохнула и устремилась в середину.

Антон присоединился к зевакам, наблюдая за новой знакомой. Уж очень она его заинтересовала. Эта весьма привлекательная молодая женщина, излучала такую уверенность, силу, обаяние! Низкий, бархатный голос придавал ее речи особое очарование. Взгляд живой и цепкий, немного язвительный. Глаза по-кошачьи раскосые, зеленые, хитрые, завораживали любого, кто хоть на мгновение цеплялся за них взглядом. Бархатистая кожа медового загара. На голове тяжелая коса, уложенная веночком. И дух от нее исходил такой тонкий, ароматный, ни с чем не сравнимый, будто рядом букет полевых цветов, с едва уловимым терпким, горьковатым запахом полыни.

Марта остановилась перед прилавком, нерешительно оглянулась. В середине было не жарко. В солнечных лучах, пробивающихся через открытые окна и дверь, светилось и пере-

ливалось всеми цветами радуги великое множество всевозможных украшений. Чего здесь только не было! Такого богатства ей видеть еще не доводилось.

— Ау, здесь кто-то есть, – позвала осторожно, жадно вглядываясь в витрину.

— Я есть, – широко улыбнулся хозяин на все крепкие зубы, показываясь из темного угла. Это был могучий здоровяк с аккуратной острой бородкой, с маленькими глазками, глубоко сидевшими под широкими бровями. Голос его тонкий и пронзительный, совсем не подходил такому внушительному виду. Длинные черные волосы спрятаны под шелковой косынкой, завязанной сзади на узел. Разговаривая, он все время как-то по – особому причмокивал губами.

Она в ответ обнажила жемчуг своих зубов.

— Здравствуйте! Так это вы здесь торгуете, – начала несмело разговор, запинаясь. – Вы этот... как его... Чмок...

— Кто чмок? Зачем обзывать. Чмок – это нехорошее слово. Это не ко мне. Я Махмуд, а для друзей Пиппаллиус.

— Ну, да! Да! – закивала согласно головой. – Я так и хотела сказать, Чмок и Пипла ну этот, который, сильно то есть слабо умный а, кстати, где он? – оглядывая лавку. – У него еще борода, как у козла... у к-к-козлика и голосок такой же.. тоненький. – Промямлила, заметив наличие сего важного предмета на грозном лице хозяина. Он недовольно нахмурился.

— Что такое Пипла? Не знаю такого, я один здесь хозяин.

Густо покраснела от смущения, осознав, что сказала что-то не то. – Это не я это там так говорят – махнула рукой на дверь. Вы здесь... торгуете, один... и все время.

— Я, конечно! Какой вопрос! Что же интересует вас, о, красивейшая из самых красивых? – сложив перед собой ладони лодочкой, низко склонив голову. – Какова причина столь благословенного прихода, о, прохлада моего глаза, нектар души моей, о, сладкая пахлава моего сердца. Какой редкий, изысканный аромат источает это тело, мечта многих достойных мужчин.

— Меня, – оглянувшись нервно, оторопевшая будто здесь был еще кто-то. – а..., ну да. Нектар – это, наверно, вино, пиво... Я тоже такое употребляю. Правда немного. Так... По праздникам, то всегда, – поправила себя. Ну, если ему нравится обзывать ее словами непонятными, пускай ругается, стерплю. – Я, наверно, тово, ну это, как сказать, так и не тово. – Машет рукой в воздухе, решительно, – я пришла купить... вот, – выдохнула с облегчением, впиваясь восхищенными глазами во всю эту роскошь.

— Слушаю и повинуюсь с любовью и удовольствием, о, лучезарная, подобна открытому солнцу на безоблачном небе. Что показать тебе, свет моего глаза?

— А можно, – загорелась Марта.

— Ну, конечно, можно, и посмотреть, и примерить, – с такой сладкой улыбкой. – Что надо подать той, что подобна полной луне среди звезд?

— Вот тот перстень, – отчаянно ткнула пальцем в самый большой и самый красивый.

— О, смущение сердца моего, это самое лучшее украшение, что когда-нибудь могли видеть эти достойные глаза.

Марта напряглась невольно. Сердце ее забило в радостном предвкушении обладания этим чудом.

— Давайте я Вам помогу.

Вытащил из бархатной коробочки и осторожно надел на палец. Марта с упоением смотрела на массивное золотое кольцо с большим изумрудом, обрамленным искусно ограненными бриллиантами. Камень завораживающе переливался от нежно зеленого до почти черного. Капельки бриллиантовые играли чудесными бликами разноцветными, очаровывая женщину. Такой красоты еще не видели эти удивительные глаза, что сияли сейчас не меньше, чем изумруд. Марта восхищенно охнула, восторженно замахала рукой перед собой, глянула на торговца, не удержалась и закружилась, вся, светясь от счастья. Хозяин с довольной улыбкой наблюдал за

нею. Зеваки сошлись вместе, приблизились вплотную к окнам, важно подбирая слова, стали делиться мнением.

— А что вещь богатая, только не каждому по карману.

— Примерять – не покупать.

— Курица не птица, а баба не купец. Нет у нее таких средств. Что, по ней не видать?

— Иной скупой богач выглядит беднее нищего.

— А примеряется долго как!

— Такую вещь купить, надо все хорошо обдумать, а то купишь лишнее, потом продашь нужное.

— Пускай лошадь думает, у нее голова большая. а здесь либо берешь, если деньги есть, либо нет, если денег нет.

— А сколько стоит колечко, – опомнилась молодка.

Услыхав цену, замерла, что вкопанная. На лице ее отразились удивление, озабоченность и смятение.

Это же целое состояние. Сникла сразу, загрустила. Нехотя сняла с пальца.

— В мечтах мы богатеи – а наяву никто, – продолжала рассуждать толпа.

— Видела баба во сне хомут, не видать ей наяву лошадки.

— Дайте мне вон тот браслет. – Попросила Марта, не мигая, многозначительно глянув в глаза хозяину.

Примерила очередное диво, все так же повертелась перед зрителями. И потом пошло-поехало. Все без разбору. Учтивый купец вначале носился по лавке, словно угорелый, желая угодить такой шикарной покупательнице, непрерывно рассыпаясь в любезностях, но вскоре стал понимать, что все напрасно, звону много, а толку нет. Если Марта разгорелась от радости обладания, хоть и кратковременного, таким состоянием, то он постепенно сник и стал злиться на женщину и на себя, что так легко поддался ее очарованию.

— Надеюсь, вы уже выбрали себе, что хотели купить.

— Пока нет, – довольная, вертит головой.

— Уж больно долго торгуетесь, мне закрываться надо.

— Как, уже? – переспросила огорченно.

— У меня еще дела в городе, лучше приходите завтра, – добавил кисло.

— Дайте мне снова, то колечко. – И одарила такой лучезарной улыбкой, что поневоле растаял, решил, в последний раз можно. Надела на палец, внимательно осмотрела. Созерцание это вызвало в ней так хорошо знакомое томление плоти. Неужели ей не владеть этим чудом!

— Где ваше зеркало, – вспомнила, наконец.

Бородой кивнул в сторону маленького обломка, висевшего на стене.

— Этот огрызок считаете зеркалом? А как же мне узнать идет ли мне колечко? Глазам моим, фигуре, моей юбке, в конце концов.

Глаза у хозяина полезли из-под бровей. Он впервые узнал, что кольцо примерять надо перед большим зеркалом. Марта вглядывается в него внимательно,

— Да оно у вас треснутое. Вон трещина в камне.

— Не соврать, так не купить. – Живо откликнулась толпа на такое известие.

— Сбрехала баба начисто, и не покраснела.

— Эка невидаль! Сорвалось и солгалось. С кем не бывает?

— Ага, кто врет, тот и крадет.

Купец испуганно вглядывается и с облегчением понимает, что эта хитрая женская уловка.

— Как не разглядывать, а чего нет, того не увидать. – Переговаривается толпа.

И вконец разозлившись, начисто забыв о своей высокопарности,

— Дамочка, если у вас нет таких денег, так и скажите, нечего мне товар хаять. Приходите, когда они появятся. За ваши деньги – любой наш товар.

— Как нет денег, – обиделась Марта. – вы что думаете, я в такую даль приехала, продала корову, всех своих... две курицы, что ласка задушила, будь она не ладна, этого... одного...иного безутешного друга... петуха, – махнула головой, – ту же самую коро... – считает на пальцах, – чтобы шутки шутить. – Стал крепнуть голос. – У меня деньги есть и немало, – решительно поджала губы.

— Тогда скажите, что выбрали, может, уступлю в цене.

— Станешь торопить – толку не будет. Видишь – сомневаюсь, что брать.

— Бабенке этой трудно угодить. – толпа рассуждает.

— Знамо дело, хоть копеечку выторговать завсегда приятно. – Продолжали беседовать мужики за порогом, заглядывая бесцеремонно в середину.

— Мог бы и хорошо уступить, вон как выплясывает перед ним, ровно заведенная.

— Ага, ни село ни упало, отдай бабе шмат сала.

— Уж больно много загнул.

— Всякий продать подороже хочет.

— На торгу завсегда два дурака: один дешево дает, другой дорого просит.

— Само собой разумеется, кто себя обидеть хочет!

Важно потягивая табак, продолжали дымить мужики, глазевшие на торг. Толпа зевак увеличилась.

Прислушивалась Марта к их разговорам, понимая, что торговля окончена. Денег у нее и в самом деле не хватает на такую дорогую покупку. Хотя немного имеется, а если появился в кармане даже пятак, какая женщина не будет чувствовать себя жутко богатой и не захочет порадоваться приобретением парой-тройкой достойных ее украшений. Что с того, если стоят они по цене стада коров!

Неукротимая злость разгоралась в неудовлетворенной женской душе. Почему кто-то может купить, а она нет? Почему одним все, а другим ничего! Можно было завладеть всем этим сокровищем при помощи обмана, но свидетелей за окнами много. Рисковать нельзя!

— Торговаться – не покупать, можно и своровать – Лениво перебрисывалась толпа словами.

— Давайте сюда перстень, а то неровен час, пропадет. – Махмуд решительно снял с ее пальца сияющее чудо.

— Вы что намекаете, что я украсть его могу. – Обиделась Марта.

— Место бойкое, вещь дорогая, всякое может быть, – затряс озабоченно бородой.

Дожилась! Если она сейчас беззащитная, одинокая женщина, так, что и напраслину терпеть от всякого хама должна? Ну, нет! Это уже чересчур! Набрала воздуха побольше и, пошла поливать обидчика, благо слова долго искать не пришлось.

— Ах, ты, козел облезлый, – вспомнила кумушек, – ах, ты комар писклявый, недобитый, да подавись своей уступкой, своим поганым товаром. – Зеленые глаза ее, казалось, прожигали насквозь, – Я что, не смогу купить в другом месте кольца паршивого? А здесь ничего не возьму, даже задаром, пусть рука у меня отсохнет! Может ты еще надумал обыскать меня? Да лопнут глаза твои бесстыжие, если только заглянешь куда! – сует ему под самый нос свой могучий бюст.

— Не сходно – не сходись, а на торг не сердись, – замямлил Махмуд, напоровшись на тугую грудь. Затрясся мелкой потной дрожью. Глаза его возбужденно заблестели. Скривились губы в улыбке хмельной.

— Возможно, столкнуться и по – другому, о, горячая и полногрудая владычица сердца моего! Ты такая заводная, пойдем ко мне жить, будешь мне служить. Подушки у меня мягкие...

Марта почувствовала, как его крепкая рука сжимает ее локоть, дыхание обжигает лицо, мягкая борода щекочет шею. На мгновение заколебалась. Можно было бы согласиться, где наше не пропадало, а куда тех, что за окном стоят, деть! Что потом в городе о ней говорить

станут! Нет, сегодня менять ничего не будет, но и воровкой обзывать себя, тоже никому не позволит.

— Что, – глаза ее удивленно округлились, гневно сверкнув, – ах, ты пакостливый, шелудивый козел! Что трясешь здесь передо мной бородой своей плешивой! Да, что б она у тебя совсем вылезла, а на лбу вторая выросла! и чтобы в ней блохи завелись! что бы ты с шуки перья драл, да на тех подушках спал! чтоб тебя вело да корчило, покуда в пекло не завело! Чтоб тебе через свой клятый порог горб да бельмо подцепить... – без передыху сыпались проклятия возмущенной женщины.

— Кобыла с медведем тягалась, один хвост да грива осталась.

– Шальная баба. Сколько силы! За одну ночь с ней, все бы отдал.

— Такая обнимет, дух не переведешь!

— Хоть, вся исклянись, мне как с гуся вода, – унялся хозяин. Он уже видит, как подкапывает к самому порогу карета. С нее выходит Вирена с кожаной сумочкой, густо обшитой камнями, в которой, верно, полно денег, вальяжно поправляет на себе меха, яркие длинные перья на голове и высокомерно направляется в настезь распахнутые двери. Гордо вошла, кичливо раскачиваясь телом, твердо зная себе цену.

Вот это покупательница! Вот это клиент! Сразу забыл о Марте. Суетливо бросился навстречу. Весь в любезном внимании. Само подобострастие. Сама учтивость.

Ее наметанный взгляд сразу ухватил кольцо золотое, украшенное сочной зеленью изумруда, в окружении сверкающих капелек бриллиантов, что еще держал в ладонях. Она жеманно протянула ему руку. Он, перегнувшись вдвое, надел его на тонкий палец. Повертела рукой, – а что, ничего. Ладно, беру.

Горделиво прошла к прилавку, оттолкнув брезгливо ногой корзину, скромно стоящую на полу, прилипла взглядом к витрине. Сердитая Марта, увидев такую богатую и чванливую даму, сразу догадалась, кто виноват в том, что у нее прореха в кармане. Вот где, наконец, можно отвести душу и отыгаться за всю свою жизнь, не очень удавшуюся. Ткнула решительно корзину назад, под самые ее ноги.

— Откуда такие дохлые берутся? Надо же, одна кожа да кости, а спеси сколько, ровно с княжеского престола слезла! – говорит, как бы ни для кого.

— Убери из – под ног свою драную кошелку, задрипанка нищая, – сверкнула злобным взглядом Вирена.

— Куда несено, туда и поставлено. Я бы свой кошель на эту замызганную торбу сроду не поменяла. – Ядовито поинтересовалась. Заботливо осмотрела, – Вы, дамочка, так сильно утомились на работах, али сухотами болеем, что такая тощая, аж страшно приличным людям глядеть на это жуткое безобразие, так и тянет подать чего-то перекусить, – в ее голосе звучало такое искреннее, и такое ехидное сострадание.

Изумленная этой неслыханной дерзостью, округлив свои маленькие глазки, решительно поджала тонкие губы.

— А ты принарядилась, чтобы всех нищих в городе перещеголять. – Брезгливо ткнула пальцем в одежду Марты. – В этой юбке рыбу только в реке ловить. А сорочку у какой несчастной старухи перед смертью стащила? Вот это фасон! Нищий нищему может только позавидовать. Ишь, убралась красно как, что твоя коза на Рождество! И сюда приперлась, будто к себе домой. Сказано, козья рожа – везде вхожа. – Злорадно хихикает, кокетливо отставляя пальчик в сторону, приставляет лорнет к глазам и дальше острым носом в украшения.

— А ты, бесхвостая курица в павлиньих перьях, гляжу давно обнищала умом! Думаешь, если размалевала рожу, словно пасхальное яйцо, напялила на себя меха из облезлой кошки, будто свинья в хомут влезла, так уже великой цацей стала? Давеча видала таких, бродячих. По всему городу шуты бегают, заывают на представление. Хороша мода! Не каждый нищий в такое оденется. Это же всем курам на смех!

— Тут так дурно пахнет! И откуда тухлой псиной воняет, – сморщила благородный носик Вирена, поглядывая в корзину. – А кислотной как несет! Милочка, ты совсем раскисла от пота. Убери свои грязные руки из моих глаз долой, закрываешь обозрение.

И почти легла тощим торсом на прилавок, близоруко шурясь в лорнет, вглядываясь в драгоценности.

— Грязь не сало, потер и отстало. По мне лучше сто раз вспотеть, чем раз прахом покрыться, хотя, сухие жабьи кости тарабанят звонко. Далеко слышно, как лягушонка в обшарпанной коробчонке тарахтит по городу, – насмешливо кивнула на тарантас, где ждал хозяйку покорный молодой кучер в щеголеватой одежке, с напوماженной головой, и с по – залихватски закрученными усиками.

— Сама дура вонючая! Вижу, в твоей голове лягушки давно завелись, – начинает потихоньку расходится Вирена.

— Ты, птица дохлая, не дощипанная, титьки свои курячьи убери с моего товару. Я тут прежде тебя пришла и все это уже скупила. – Стала наступать Марта.

— О, почтеннейшая из всех почтенных, – пытается вмешаться в столь «приятный» разговор Махмуд, обращаясь к Вирене. – Я предлагаю примерить это удивительное ожерелье, равным которому не владел никто из всех великих мира сего.

— Подобру-поздорову, отстань, не суй в нос свои замызганные цапки, видишь, разбираемся. Не ерзай под ногами!.. не заводи душу!.. не буди во мне стервы. – Неистово вращая потемневшими от яростного возбуждения глазами, придвинулась Марта к хозяину. Тот отступил, изумленный таким бешеным напором.

Фыркнула Вирена, хищно оскалив мелкие зубки в язвительной улыбке. Выхватила ожерелье, надела на длинную шею и, довольная, стала разглядываться в зеркало, злорадно пританцовывая перед Мартой.

— Идет-не-идет, купить-не-купить! У меня денег столько, что всю эту лавочку со всеми ее потрохами могу забрать.

Ее тоже начало охватывать радостное возбуждение. Всегда так приятно достать соперницу.

— Чего квохчешь курицей, все куплю, все куплю! Лопнешь от натуги. В эти руки много не загребешь, вон, они у тебя, словно крюки. И ожерелье это пристало, что курице бусы.

— Порою завидующая хула лучше, чем дурацкая хвала! Что досада берет по чужому добру? Аж, трясешься, что купить не можешь. Берут завидки на чужие пожитки!

— Завидны в саду черешня да вишня; кто не пройдет, тот щипнет. А здесь чему завидовать? Ты в зеркало на себя погляди получше. Вставь свои слепые зенки в него и увидишь, что в кривой роже и рот на боку. Как не крась, уже ничем сверху не закрасишь. Хотя, промеж слепых и кривой в чести.

— Ты дура беспардонная, на себя лучше погляди, нос, что лапоть на всю рожу. – Зачастила, заметно нервничая, Вирена.

— Да не такая раскрасава, что в окно ночью глянет – месяц с перепугу на землю шлепнется. Во двор выйдет – со страху три дня собаки воют. – Ткнув руки в боки, грудью вперед, ехидно издевалась Марта.

Мужики заинтересованно следили за перебранкой.

— Наша барынька возбудилась – то как!

— Рада дура дуру встретила.

— Как не крути, а деревенская корова шустрее городской кобылы. – Делились между собой довольные зрители. Не каждый день доводится услышать перебранку двух достойных друг друга стерв.

— Чего ты своим выменем мне в нос тычешь. Вон набухло, ровно у коровы перед отелом. – Вирена стала совсем близко, прищутив яростно глаза, – меня не укусишь, а себя за зад

попробуй. Надо же, откормила, что не обойти, не объехать. – В ее голосе появились первые визгливые звуки.

— Знамо, такой кляче не объедешь, первый ветер в поле снесет. – Марта, наоборот, стала спокойная, что удав на охоте. – А о твойдохлый, уколотся можно. И не маши передо мной своими растопырками. Чай, не в поле чучелом огородным стоишь, ворон здесь нет. А мухи от смеху, глядя на тебя, все давно передохли. Распрыгалась, что блоха в коросте, места себе не найдешь.

— А чтоб тебе шмелем подавиться, корова не доенная, – рассердилась не на шутку Вирена, аж затряслась вся. – Зато у меня денег столько, что тебе и не снилось. – Дрожащими от злости руками открыла свою сумочку, полную золотых монет, набрала целую пригоршню, затрясла ими перед носом Марты.

— Ого, вот это да!

— Золота никогда много не бывает.

— Все равно, эта тощая кляча нашей корове рылом под хвост не достанет.

— Не все горлом, скоро и руками махать начнут.

— Здесь рукам воли лучше не давать. Тяжелая рука у бабенки.

— Само собою разумеется, но разогнав во весь дух, сразу не осадить бабий нор. – Толпа живо отозвалась на увиденное.

— Все, всякое мое терпение лопнуло! Короче, чего тебе надобно, кучка навозная, пересохшая. Повторяю, а ты слушай, харю-то свою не отворачивай, хорошего дважды не сказывают, даром здесь трещься-ошиваешься; сказано, мы уже ничего не продаем. А что не продается, цены не имеет!

Нам закрываться пора, в городе дел полно. Что ты носишься со своей торбой, что кура с яйцом. Не надо нам твоих поганых денег! От худой курицы и яйца худые. Иди, гуляй, смерть куролапая.

— Чего это вдруг мы, – ошарашено заморгала Вирена.

— Потому, что муж мой.

— Ах, муженек уже твой? – протянула с издевкой, улыбаясь так хитро, а глаза такие злые, аж красные.

— Да мой! Что я уже замужем не могу быть?

Купец, стараясь надевать на Вирену украшения, решил до поры не вмешиваться в яростную перебранку женщин. Он вмиг остолбенел от такой неожиданности. Недоуменно оглянулся на Марту.

— Ты? Да ради Бога, да сколько угодно! Мне что жалко! Но наметни чужими были, – ехидно заметила, так же кулачки в бочки и остренький подбородок резко взлетел вперед – вверх.

— Ну и что ж, что были, а тут взяли и поженились, специально, тебе назло.

— Ты хоть знаешь, как звать мужа возлюбленного.

— Знаю, не твое куриное дело, поняла?

— И как, если это не важная тайна?

— Чмок, – мигом сорвалось с языка, – или Пипла, – добавила отрешенно, поняв что ляпнула ни к селу, ни к городу. Как же на самом деле его звать-то? Силится вспомнить.

— Махмуд, – робко пытается подсказать ошеломленный продавец. Ему очень понравилась идея Марты. Он уже успел убедиться в уме, взбалмошности, напористости этой молодой женщины. Его восточную натуру это так возбуждало!

— Ну, конечно, Махмадей, – обернулась на мужчину, – а дома как хочу, так и называю, по-разному. От большой любви обзываю, как мне захочется, понятно для особо непонятливых.

— Чмок, – заливается от зловредного смеху Вирена. – А Пипла где у него болтается?

— Мой муж, как хочу, так и зову, – решительно отрезала, сердито сверкнув глазами. – И, что у него, где болтается, не для твоих куриных мозгов, ясно? Будет мешать, обрежем.

— И давно у вас любовь, – визжит Вирена.

— Давно, с самого утра, – улыбается ехидно.

— Надо же, – сплеснула та руками, – была деревенская дура стала городская Чмошка!

— Сама ты надоедливая мошка, Кура пучеглазая. Он любит меня понятно! Сильно! всей душой и всем сердцем! Он, этот... Махмадей, – с удовольствием вспоминает имя, – даже обзывает меня... то есть называет... как? Во! Я его... – правую руку к губам, задумывается на миг. – Что светит-то все время... а, ну, да! Светильник его глаза, – засомневалась чуточку, – или двух? У него же, по-моему, два их было, – оглянулась на хозяина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.